

ТЭД УИЛЬЯМС

ТРОН ИЗ КОСТЕЙ ДРАКОНА

ТОМ 1

ПАМЯТЬ,
СКОРБЬ
И ШИП
КНИГА ПЕРВАЯ

fanzon

Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Тэд Уильямс

Трон из костей дракона. Том 1

«ЭКСМО»

1988

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уильямс Т.

Трон из костей дракона. Том 1 / Т. Уильямс — «Эксмо»,
1988 — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-112361-1

Первый роман прославленной трилогии «Память, Скорбь и Шип», названной в честь трех легендарных мечей. Это история Саймона, юноши, работающего на кухне королевского замка, и ученика мага. Фантазии и мечты о великих победах и героических подвигах становятся шокирующей реальностью, когда его мир разрывается на части в огне гражданской войны – войны, питаемой древней ненавистью, бессмертными врагами и мрачным колдовством. Том 1 двухтомного издания романа.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-112361-1

© Уильямс Т., 1988
© Эксмо, 1988

Содержание

Посвящение	6
Благодарности	7
Предупреждение автора	8
Вступление	9
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	53
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Тэд Уильямс

Трон из костей дракона. Том 1

Tad Williams

THE DRAGONBONE CHAIR. Book One of Memory, Sorrow and Thorn

Copyright © 1988 Tad Williams by arrangement with DAW Books, Inc.

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Посвящение

Эта книга посвящается моей матери, Барбаре Джин Эванс, которая привила мне глубокую любовь к Тоуд-Холлу, Стоакровому лесу, Ширу и многим другим тайным местам и странам, расположенным за известными нам полями. И еще она пробудила во мне пожизненную страсть к собственным открытиям и желанию разделить их с другими. Я хочу поделиться этой книгой с ней.

Благодарности

Я предпринял этот труд из любви к миру и для утешения благородных сердец – тех, кто мне дорог, и миру, к которому стремится моя душа. Я имею в виду не обычный мир тех, кто (как я слышал) не могут испытывать скорбь и желания, но погружены в блаженство. (Пусть Господь позволит им и далее пребывать в этом состоянии!) Их мир и образ жизни моя история не затронет: их жизнь отделена от моей. Я имею в виду другой мир, что одновременно наполнен горькой сладостью и милой скорбью, наслаждениями сердца и болью страстного желания, милосердной жизнью и горестной смертью. И в этом мире позвольте мне жить, быть проклятым с ним или спасенным.

Готфрид Страсбургский (Автор «Тристана и Изольды»)

Эта книга не состоялась бы без помощи многих людей. Я благодарен: Эве Камминг, Нэнси Жиминг-Вильямс, Артуру Росс Эвансу, Питеру Стэммпфелу и Майклу Велану, которые прочитали чудовищно длинный манускрипт, затем поддержали меня и давали полезные советы, а также высказывали умные предложения; Эндрю Харрису, оказавшему мне помощь в вопросах логистики, далеко выходящую за рамки дружеской; и особенно моим редакторам Бетси Воллхейм и Шейле Гилберт, они долго и упорно трудились, чтобы помочь мне написать лучшую книгу, на какую я был способен. Они просто потрясающие.

Предупреждение автора

Странникам в стране Светлого Арда не стоит безоговорочно верить старым правилам и формам, им следует внимательно наблюдать за всеми ритуалами, ведь они часто скрывают истинное кажушимся.

У народа кануков, обитающего в снежных горах Трольфельс, есть пословица: «Тот, кто уверен, что знает конец всех вещей, когда он их только начинает, либо невероятно мудр, либо невероятно глуп; и здесь не имеет значения, какова правда, – он, вне всякого сомнения, несчастный человек, ведь его рука вонзает клинок в сердце чуда».

Или проще: вновь прибывшим в эту страну следует избегать поспешных выводов.

У кануков есть еще одна пословица: «Добро пожаловать, чужестранец. Тропы сегодня ненадежны».

Вступление

«...Книга безумного жреца Ниссеса невероятных размеров, говорят те, кто держал ее в руках, тяжела, как маленький ребенок. Ее обнаружили рядом с телом Ниссеса, когда он лежал, мертвый и улыбающийся, рядом с окном башни, из которой его повелитель король Хьелдин выпрыгнул навстречу смерти всего за несколько мгновений до этого.

Рыжевато-коричневые чернила, сделанные из овечьих потрохов, чемерицы и руты – а также какой-то густой багряной жидкости, – высохли и сыпались хлопьями с тонких страниц. Ничем не украшенная кожа безволосого животного непонятного вида послужила материалом для переплета.

Те святые мужи Наббана, что прочитали книгу после смерти Ниссеса, объявили ее еретической и опасной, но по какой-то причине не уничтожили, как обычно поступали с подобными текстами, и она пролежала много лет в почти бесконечных архивах Матери Церкви, в самых глубоких и тайных хранилищах Саницеллан Эйдонитиса. А теперь, по всей видимости, исчезла из шкатулки из оникса, в которой ее хранили так долго; никогда не отличавшийся разговорчивостью Орден архивов не смог ничего сообщить о нынешнем местонахождении книги.

Некоторые из читавших еретические труды Ниссеса утверждали, будто в них содержатся все тайны Светлого Арда, начиная от темного прошлого этой земли до теней тех, кто еще не появился на свет. Дознаватели священники-эйдониты называли книгу „нечестивой“.

Возможно, труды Ниссеса предсказывали будущее так же ясно – и, по нашим предположениям, эксцентрично, – как сообщали о том, что уже произошло. Однако никому не известно, включены ли в откровения священника великие свершения нашего века – в особенности интересующее нас восхождение и триумф Престера Джона, хотя имеются некоторые основания считать, что они там есть. Большая часть сочинений Ниссеса окутана тайной, их смысл спрятан в странных рифмах и невразумительных намеках. Мне не доводилось читать его произведения полностью, а большинство из тех, кому это удалось, давно мертвы.

Название книги написано сухими строгими рунами, которыми пользовались на холодном севере, где родился Ниссес, – „Дю Сварденвирд“, что означает „Фатум мечей...“»

Из «Жизни и правления короля Джона Пресбитера», Моргенес Эрсестрис.

Часть первая Саймон Олух

Глава 1 Кузнечик и король

#

Именно в этот день в спящем сердце Хейхолта, в лабиринте тихих переходов замка, в заросших плющом внутренних двориках, подвалах и сырых, прятавшихся в тени покоях возникла незнакомая тревога. Придворные и слуги обменивались нервными взглядами и шептались. Поварята испуганно смотрели друг на друга через корыта в полной пара кухне. Тихие разговоры звучали в каждом коридоре и дворике огромной цитадели. Это мог быть первый день весны, если судить по нетерпеливому предвкушению, охватившему всех, но большой календарь в загроможденных покоях доктора Моргенеса показывал совсем другое: стоял новандер. Осень придержала дверь, и зима собиралась в нее войти.

То, что делало этот день особенным, не имело отношения к времени года, причина заключалась в тронном зале Хейхолта. В течение трех долгих лет его двери были заперты по приказу короля, и тяжелые портьеры скрывали разноцветные окна. Даже служанкам не разрешалось переступить порог зала, что вызывало постоянный гнев старшей горничной. Три лета и три зимы туда никто не входил. Но сегодня двери открылись, и замок гудел от слухов.

Если быть честным до конца, то во всем Хейхолте был всего один человек, которого не интересовал давно закрытый тронный зал, одна пчела в гудящем улье, чья одинокая песня имела собственный мотив, не совпадавший с общим жужжанием. Он сидел в самом центре Уединенного сада, в алькове между стеной часовни, построенной из тусклого рыжего камня, и голым кустарником, и думал, что его никто не ищет. До сих пор день приносил ему сплошные неприятности – все женщины были ужасно заняты и не отвечали на его вопросы, завтрак запоздал, к тому же оказался холодным. Он получил сбивавшие с толку указания – как обычно, – и никто не посчитал нужным вникнуть в *его* проблемы...

«Что, – угрюмо подумал он, – вполне предсказуемо». Если бы он не обнаружил огромного замечательного жука, который прогуливался по саду, самодовольный, точно зажиточный крестьянин, весь день можно было бы считать пустой тратой времени.

При помощи веточки он углубил крошечную тропинку, идущую по темной, холодной земле вдоль стены, но его пленник отказывался идти вперед. Упрямый жук тихонько стрекотал в своем блестящем панцире, но даже не думал шевелиться. Нахмурившись, он прикусил губу.

– *Саймон!* Клянусь именем Создателя, где ты болтаешься?

Веточка выпала из его ослабевших пальцев, словно сердце пронзила стрела. Он медленно повернулся и посмотрел на нависшую над ним тень.

– Нигде... – начал Саймон, но не успело это слово сорваться с его губ, как костлявые пальцы больно схватили парня за ухо и заставили с криком вскочить на ноги.

– И не вздумай повторять «нигде», юный бездельник, – рывкнула ему в лицо Рейчел Дракониха, старшая горничная, – это стало возможно только после того, как Рейчел приподнялась на цыпочки, а Саймон, по привычке ссутулил плечи – командирша горничных была на целый фут ниже Саймона.

– Тогда извините, госпожа, я сожалею, – пробормотал Саймон, с грустью заметив, что жук уже повернулся к трещине в стене часовни и свободе.

– Извинения не будут спасать тебя вечно, – сердито заявила Рейчел. – Все в замке заняты работой и подготовкой, а ты тут прохлаждаешься! Мало того, я должна тратить свое бесценное время на твои поиски! Ты испорченный мальчишка, Саймон, хотя тебе уже давно следует себя вести как мужчина. И почему ты такой бесполезный?

Мальчишка, в свои неуклюжие четырнадцать лет, был отчаянно смущен и молчал. Рейчел сурово на него посмотрела.

«Уже то печально, – подумала она, – что у него рыжие волосы и веснушки, но когда он щурит глаза и хмурится – он выглядит как слабоумный!»

Саймон смотрел на свою мучительницу и видел, что Рейчел тяжело дышит, а ее голова окружена клубами пара, поднимавшимися в холодном воздухе новандера. И еще она дрожала, от холода или гнева, Саймон не знал. Но это уже не имело значения. Ему стало еще хуже.

Она ждет ответа – какой уставшей и сердитой она выглядит! Саймон еще больше опустил плечи и посмотрел на свои ноги.

– Ну в таком случае ты пойдешь со мной. Добрый Господь знает, что у меня полно работы для ленивого мальчишки. Разве тебе неизвестно, что *король* поднялся с постели? И сегодня направился в тронный зал? Или ты слеп и глух? – Она схватила его за локоть и без церемоний потащила за собой по саду.

– Король? Король Джон? – удивленно спросил Саймон.

– Нет, невежественный мальчишка. Король Камень-на-дороге! *Конечно*, король Джон! – Рейчел внезапно остановилась, чтобы заправить прядь седых волос под шапочку, и Саймон заметил, что у нее дрожит рука. – Вот, надеюсь, ты счастлив, – сказала она. – Ты настолько огорчил меня и поставил в дурацкое положение, что мне пришлось проявить неуважение к имени нашего доброго старого короля Джона. А он ужасно болен и все такое. – Она громко всхлипнула и больно стукнула Саймона по плечу. – Идем же.

И заковыляла дальше, а вредный мальчишка потащился за ней.

Саймон не знал другого дома, кроме лишнего возраста замка под названием Хейхолт, что означало Высокая Цитадель. Хорошее имя: ведь Башня Зеленого Ангела, ее самая высокая точка, парила над невероятно старыми и высокими деревьями. И если бы Ангел, устроившись на вершине башни, сбросил камень с ее медно-зеленого шпиля, тот пролетел бы двести локтей, прежде чем упасть в ров с темной водой, потревожив сон огромной щуки, дремавшей в многовековом иле.

Хейхолт был старше всех поколений эркинландских крестьян, родившихся, работавших и умерших в полях и деревнях, окружавших огромную цитадель. Эркинландеры лишь стали последними владельцами замка – многие называли его своим, но никому не удавалось удерживать достаточно долго. На внешней стене, окружавшей раскинувшуюся на огромной территории цитадель, проступали труды разных рук, приложенные в разные времена: грубо обработанный камень и древесина – тут постарались риммеры, случайные заплаты и необычная резьба эрнестирийцев, а также аккуратная каменная кладка мастеров Наббана.

Но над всей цитаделью возвышалась Башня Зеленого Ангела, построенная бессмертными ситхи задолго до того, как люди появились в этих землях, когда им принадлежал весь Светлый Ард. Ситхи первыми возвели свою твердыню на мысе, откуда открывался вид на озеро Кинслаг и реку, которая текла к морю. Они назвали свой замок Асу'а; и если бы эта крепость, имевшая столько хозяев, обладала истинным именем, ее следовало называть Асу'а.

Ситхи давно покинули заросшие травой равнины и холмы и теперь обитали в далеких лесах, скалистых горах и других темных местах, неудобных для людей. А кости их замка – ставшего домом узурпаторов – остались.

Парадокс Асу'а – гордый и древний, праздничный и неприступный, казалось, не замечал смены хозяев. Асу'а – Хейхолт. Он возвышался над поместьями и городом, нависая над своими владениями, точно спящая, измазанная медом медведица, окруженная медвежатами.

Часто казалось, что Саймон единственный из обитателей огромного замка не нашел собственного места в жизни. Каменщики белили известковым раствором фасад резиденции и укрепляли крошившиеся стены – хотя иногда возникало впечатление, что разрушение идет быстрее, – но никогда не задумывались о том, как устроен мир. Кладовщики и лакеи, весело насвистывая, катили огромные бочки с вином и солониной. Вместе с сенешалем замка они торговались с крестьянами из-за усатого лука и влажной от земли моркови, которые те приносили на кухню каждое утро. Рейчел и горничные были всегда заняты, они энергично мели полы метлами из связанной соломы, преследуя пыль, словно пасли стадо легкомысленных овец, бормоча под нос ханжеские проклятия, направленные в адрес людей, оставлявших свои покои в таком безобразном виде, терроризируя ленивых и неряшливых.

Неуклюжий Саймон, который нередко оказывался в центре их активности, регулярно превращался в легендарного кузнечика, попавшего в муравейник. Он знал, что ничего не добьется в жизни: многие говорили ему об этом, почти все они были старше и, предположительно, мудрее него. В том возрасте, когда другие юноши уже начинали принимать на свои плечи тяготы взрослого мира, Саймон оставался грязнулей и бесполезным мечтателем. И какое бы задание он ни получал, очень скоро его внимание ускользало, он начинал мечтать о битвах, великанах, далеких морских путешествиях на высоких сияющих кораблях... и каким-то образом вещи вокруг него ломались, терялись, или он все делал неправильно.

В другие времена его и вовсе не удавалось отыскать. Он прятался в самых разных местах, словно тощая тень, мог взобраться на стену не хуже кровельщиков или стекольщиков и знал о существовании такого количества коридоров и потайных мест, что обитатели замка часто называли его «мальчишкой-призраком». Рейчел регулярно таскала его за уши и обзывала олухом.

Наконец Рейчел выпустила его руку, и Саймон мрачно тащился за командиршей горничных, точно пруттик, застрявший в подоле ее платья. Его нашли, жук сбежал, день был безнадежно испорчен.

– Что я должен делать, Рейчел? – недовольно пробормотал он. – Помогать на кухне?

Рейчел презрительно фыркнула и заковыляла дальше – барсук в переднике. Саймон с тоской посмотрел назад, на деревья и сад, где мог найти убежище. Шум их шагов смешивался и торжественным эхом отражался от каменных стен длинных каменных коридоров.

Его вырастили горничные, однако все понимали, что он никогда не станет одним из них – даже если забыть о его принадлежности к мужскому полу, Саймону нельзя было доверить деликатную домашнюю работу – и им пришлось приложить немало сил, чтобы отыскать для него подходящее занятие. В огромном доме, а Хейхолт, несомненно, был величайшим, не могло быть места для лентяев. В конце концов его определили на кухню замка, но даже и здесь получалось у него не слишком хорошо. Другие повара смеялись и подталкивали друг друга, когда Саймон, по локти в горячей воде, зажмурив глаза, погружался в мечтания – пытался постичь тайну полета птиц или спасал прекрасных дев от воображаемых чудовищ, пока его скребок летал по стенам большого котла.

Легенда гласила, что сэр Флуирен, родственник знаменитого сэра Камариса из Наббана, в юности пришел в Хейхолт, чтобы стать рыцарем, и, назвавшись другим именем из-за своей неслыханной скромности, целый год работал на этой кухне. Повара постоянно его дразнили, во всяком случае, так говорилось в легенде, и называли «Красивые ручки», потому что тяжелая работа не могла изменить удивительную белизну его пальцев.

Саймону требовалось лишь взглянуть на свои потрескавшиеся ногти и розовые от горячей воды руки, чтобы понять, что он вовсе не осиротевший сын великого лорда, а самый обычный поваренок, который выметает пыль из углов, когда ему велят – и не более того. Все знали, что, когда король Джон был лишь немногим старше Саймона, ему удалось убить Красного дракона. А Саймон сражался только с метлами и кастрюлями. Впрочем, какая разница: теперь он жил в другом, более спокойном мире, во многом благодаря старому королю. Никаких драконов, во всяком случае, живых, не обитало в темных бесконечных коридорах Хейхолта. Но Рейчел – часто мысленно повторял Саймон – с ее кислым выражением лица и ужасными, жестокими пальцами вполне могла их заменить.

Они вошли в приемную перед тронным залом, превратившуюся в эпицентр невероятной активности. Горничные носились от одной стены к другой, метались туда-сюда, точно мухи в бутылке. Рейчел встала, положив кулаки на бедра, оглядела свои владения и, если судить по улыбке, появившейся на тонких губах, осталась довольна.

Саймон прислонился к стене с гобеленами, радуясь, что на мгновение о нем забыли. Сгорбившись, чтобы оставаться незаметным, он принялся краем глаза наблюдать за новой горничной Хепзибой, пухлой кудрявой девушкой, чьи раскачивавшиеся при ходьбе бедра сразу привлекли внимание Саймона. Она прошла мимо с ведром плескавшейся воды, перехватила его взгляд и широко улыбнулась – очевидно, ее позабавило выражение лица Саймона. Он почувствовал, как огонь разгорается у него на шее и переходит на щеки – и ему пришлось отвернуться к потрепанному гобелену на стене.

Рейчел не упустила их обмен взглядами.

– Господь превратит тебя в осла, мальчишка, разве я не говорила, чтобы ты принимался за работу? Ну и чего ты ждешь?

– И что? Что мне делать? – закричал Саймон и с ужасом услышал серебристый смех Хепзибы, который донесся до него из коридора.

От расстройства он ущипнул себя за руку. Было больно.

– Возьми метлу и отправляйся в покои доктора. Этот человек живет как настоящий хомяк, но кто *знает*, куда захочет зайти король теперь, когда он встал с постели? – Судя по тону Рейчел, не вызвало сомнений, что она находит своеволие мужчин невыносимым – пусть оно и исходит от короля.

– Покои доктора Моргенеса? – спросил Саймон, впервые с того момента, как Рейчел нашла его в саду, настроение у него стало улучшаться. – Я немедленно туда отправляюсь! – Он схватил метлу и убежал.

Рейчел фыркнула, повернулась, чтобы еще раз оценить безупречную чистоту приемной, и на мгновение задумалась о том, что происходит за великолепной дверью тронного зала, потом безжалостно отбросила эту мысль – так она могла бы раздавить надоедливую комара. Направляя свои легионы хлопками ладоней и холодными взорами, Рейчел вывела их из приемной, чтобы они приступили к очередной отчаянной битве с ее заклятым врагом – беспорядком.

В зале за дверью висели пыльные знамена, ряд за рядом, вдоль стен: потускневший bestiарий фантастических животных – солнечно-золотой жеребец Клана Мердон, сияющий хохолок Зимородка, Сова и Бык, Единорог и Василиск, один следовал за другим, молчаливые, спящие существа. Даже легкий ветерок не тревожил изношенные ткани, а провисшая паутина была пустой и рваной.

Однако в тронном зале произошли некоторые изменения – что-то живое снова поселилось в окутанном тенями помещении. Кто-то тихонько напевал тонким голоском то ли мальчика, то ли глубокого старика.

В дальнем конце зала на стене между статуями Верховных королей Хейхолта висел гобелен с королевским гербом, Огненный дракон и Дерево. Мрачные малахитовые статуи, почетная стража из шести воинов, выстроившихся по бокам огромного тяжелого кресла с неровными, шишковатыми ручками, казалось, целиком высеченного из пожелтевшей слоновой кости, со спинкой, украшенной огромными змеиными черепами, усеянными бесчисленными зубами и глазами, подобными озерам мрака.

На кресле и возле него сидели двое. Тот, что поменьше, одетый в потрепанный шутовской наряд, пел; именно его голос звучал у подножия трона, слишком слабый, чтобы вызвать даже легкое эхо. Над ним склонился костлявый мужчина, примостившийся на самом краешке, похожий на постаревшего ястреба – усталая хромота хищная птица, прикованная к тусклым костям.

Ослабевший король, три года не поднимавшийся с постели, вернулся в свой пустой и покрытый пылью тронный зал. Он слушал, как поет маленький мужчина у его ног, и длинные, испещренные пятнами руки сжимали ручки огромного пожелтевшего трона.

Он был высоким человеком – когда-то даже очень высоким, но сейчас сторбился, точно монах во время молитвы. Одевание небесно-голубого цвета висело на нем точно на вешалке, лицо заросло бородой, как у Пророка Усириса. Поперек колен лежал меч, сиявший так ярко, словно его только что отполировали; голову короля украшала железная корона, инкрустированная множеством зеленых, точно море, изумрудов и опалов.

Сидевший у его ног шут сделал долгую паузу, а потом начал другую песню:

*Ты сможешь сосчитать капли дождя,
Когда солнце так высоко?
Сможешь переплыть реку,
Когда ее русло пересохло?
Ты сможешь поймать облако?
Нет, конечно, нет, как и я...
Но ветер кричит: «Подожди»,
Когда я мимо прохожусь.
Но ветер кричит: «Подожди»,
Когда я мимо прохожусь.*

Когда песня закончилась, высокий старик в голубом одеянии опустил руку, и шут ее взял. Ни один из них не произнес ни слова.

Джон Пресбитер, повелитель Эркинланда и Верховный король всего Светлого Арда; бич ситхи и защитник истинной веры, обладатель меча Сияющий Коготь, погибель дракона Шуракаи... Престер Джон снова сидел на своем троне, сделанном из костей дракона. Король был очень, очень стар, и сейчас он плакал.

– О Тайгер, – наконец выдохнул он, его голос был низким и дрожал от старости, – только немилосердный Господь мог привести меня к такому печальному положению.

– Возможно, мой повелитель. – На морщинистом лице маленького человечка в короткой кожаной клетчатой куртке появилась улыбка. – Возможно... но очень многие, вне всякого сомнения, не стали бы жаловаться на жестокость Господа, окажись они на вашем месте.

– Именно *это* я и имел в виду, старый друг! – Король гневно покачал головой. – Дряхлый возраст уравнивает всех мужчин. Любой безмозглый ученик портного получает от жизни больше, чем я!

– В самом деле, мой повелитель?... – Седая борода шута затряслась, но колокольчики на колпаке – давно лишившиеся язычков – не зазвенели. – Мой повелитель, ты жалуешься регу-

лярно, но неразумно. Всех людей настигает старость, великих и незначительных. Ты прожил прекрасную жизнь.

Престер Джон выставил рукоять Сияющего Когтя перед собой, словно символ Святого Дерева. Потом прижал тыльную сторону ладони к глазам.

– Ты знаешь историю этого клинка? – спросил король.

Тайгер бросил на него пронизательный взгляд: он слышал историю меча множество раз.

– Расскажи ее мне, о король, – попросил шут.

Престер Джон улыбнулся, не отводя глаз от оплетенной кожей рукояти.

– Меч, мой маленький друг, есть продолжение правой руки мужчины... и последний предел его сердца. – Он еще выше поднял клинок, и в нем отразился луч света, проникший в тронный зал из одного из высоких узких окон. – В точности, как Мужчина есть правая рука Господа, исполнитель желаний Его сердца. Ты понимаешь?

Король внезапно наклонился вниз, и его глаза засияли под косматыми бровями.

– Тебе известно, что это? – Его трясущийся палец указал на завиток ржавого металла, вплетенный в рукоять золотой проволокой.

– Скажи мне, мой повелитель. – Тайгер давно знал ответ.

– Это единственный в Светлом Арде гвоздь с Дерева Казни. – Престер Джон поднес рукоять к губам, а потом прижал холодный металл к щеке. – Это гвоздь из ладони Усириса Эйдона, нашего Спасителя... Из Его руки... – Глаза короля, в которых на миг отразился отблеск упавшего сверху луча, превратились в огненные зеркала. – И, конечно, здесь есть и другая реликвия, – добавил он после недолгой паузы. – Костяшка пальца мученика, святого Эльстана, убитого драконом, она здесь, в рукояти...

Снова наступило молчание, а когда Тайгер посмотрел на своего господина, тот плакал.

– Тьфу, тьфу на него! – простонал Джон. – Разве я достоин чести Меча Господня? С таким количеством грехов, с такой тяжестью на душе – рука, что однажды сразила Красного дракона, теперь едва способна поднять чашку с молоком. О, я умираю, мой милый Тайгер, умираю!

Тайгер наклонился вперед, снял костлявую руку короля с рукояти меча и поцеловал ее – но старик продолжал рыдать.

– О, пожалуйста, мой повелитель, – взмолился шут. – Не плачь больше! Все люди должны умереть – ты, я, все. Если мы не погибает из-за глупости молодости или невезения, наша судьба жить, подобно деревьям; мы становимся старше и старше, пока не начинаем слабеть и падать. Таков порядок вещей. Разве мы можем противиться воле Господа?

– Но я *построил* это королевство! – Джон Пресбитер был охвачен яростью, вырвал дрожащую руку из ладоней шута и резко ударил по подлокотнику трона. – И это *должно* облегчить мои грехи, стереть их с души, даже самые тяжкие. У доброго Господа наверняка все записано в Книге Судеб! Я вытащил людей из грязи, изгнал проклятых подлых ситхи с наших земель, дал крестьянам закон и справедливость... совершенное мной добро *должно* перевесить неправедные дела. – Голос Джона стал тише, словно мысли обратились к чему-то другому.

– О мой старый друг, – с горечью продолжал король через некоторое время, – теперь я даже не могу пройти по рынку на Главном ряду! Я должен лежать в постели или, шаркая, бродить по холодному замку, опираясь на молодых людей. Мое... мое королевство полно пороков, а слуги шепчутся и на цыпочках проходят мимо моих покоев! Все погрязли в грехах!

Слова короля эхом отразились от каменных стен зала и постепенно стихли среди круживших в воздухе и оседавших на пол пылинок. Тайгер снова взял руку Джона и сжимал ее до тех пор, пока король не овладел собой.

– Ладно, – сказал Престер Джон, когда прошло некоторое время, – во всяком случае, мой Элиас будет править более жестко, чем я. Ты только посмотри на это разложение, – он обвел рукой тронный зал, – сегодня я решил вернуть его из Мермунда, чтобы он подготовился надеть мою корону. – Король вздохнул. – Пожалуй, мне пора прекратить лить слезы и быть

благодарным за то, что у меня есть сильный сын, способный удержать королевство после моей смерти.

– Два сильных сына, мой повелитель, – возразил шут.

– Вот уж нет. – Лицо короля исказила гримаса. – Можно многое сказать о Джошуа, но слово «сильный» к нему не подходит.

– Ты слишком строг к нему, мой повелитель, – возразил Тайгер.

– Чепуха. Ты полагаешь, что можешь меня учить, шут? Ты знаешь сына лучше, чем его отец? – Рука Джона снова задрожала, и на мгновение показалось, что он попытается подняться на ноги.

Затем король расслабился.

– Джошуа – циник, – снова заговорил король уже заметно спокойнее. – Циник и меланхолик, который холодно относится ко всем, кто стоит ниже него – но ведь все стоят ниже королевского сына, и каждый из них потенциальный убийца. Нет, Тайгер, он странный, мой младший, – в особенности после того... как потерял руку. О милосердный Эйдон, возможно, тут есть и моя вина.

– Что ты хочешь сказать, мой повелитель?

– Мне следовало взять другую жену после смерти Эбеки. В замке стало холодно без королевы... Быть может, именно по этой причине мальчик вырос таким странным. Однако Элиас совсем другой.

– В природе принца Элиаса есть грубая прямота, – пробормотал Тайгер, но если король его и слышал, то виду не подал.

– Я благодарю благодетельного Бога за то, что Элиас оказался первенцем. У него отважный характер воина – и я боюсь, что, будь первенцем Джошуа, ему пришлось бы опасаться брата. – Король Джон с холодным удовлетворением покачал головой, потом неожиданно схватил шута за ухо и дернул его так, словно старик был ребенком пяти или шести лет.

– Обещаешь мне одну вещь, Тайгер?...

– Какую, мой повелитель?

– Когда я умру – а это, несомненно, произойдет очень скоро, не думаю, что сумею пережить зиму, – ты должен привести Элиаса сюда... как ты думаешь, коронация будет проходить здесь? Не важно, тебе в любом случае нужно будет подождать окончания церемонии. Приведи его и отдай Сияющий Коготь. Да, возьми его прямо сейчас и спрячь. Я боюсь, что могу умереть, пока он не вернулся из Мермунда, а я хочу, чтобы он получил меч вместе с моим благословением. Ты меня понял, Тайгер?

Дрожащими руками Престер Джон убрал меч в изукрашенные ножны и с трудом отстегнул перевязь. Она за что-то зацепилась, и Тайгер опустился на колени, чтобы развязать узел старыми, но еще сильными пальцами.

– И что должно быть в благословении, мой повелитель? – спросил он, продолжая развязывать узел и прикусив язык от старания.

– Скажи то, что я говорил тебе. Скажи, что этот меч должен стать продолжением его руки и средоточием сердца – как мы являемся инструментом в Сердце и Руке Бога Отца... и еще, что никакая награда, пусть и самая благородная, не стоит... не стоит... – Джон колебался, поднес дрожавшие пальцы к глазам. – Нет, забудь. Скажи лишь то, что я говорил о мече. Только это.

– Я так и сделаю, мой король, – пообещал Тайгер. Он продолжал хмуриться, хотя сумел развязать узел. – Я с радостью выполню твое желание.

– Хорошо. – Престер Джон снова откинулся на спинку трона из костей дракона и закрыл серые глаза. – Спой еще для меня, Тайгер.

И шут запел. А над ними, казалось, старые знамена стали слегка раскачиваться, словно по толпе наблюдателей, меж древних цапель, медведей с потускневшими глазами и других странных существ, пробежал шепот.

Глава 2

История о двух лягушках

#

Праздный ум – находка для дьявола.

Саймон грустно размышлял над одним из самых любимых выражений Рейчел, глядя на груды доспехов для лошадей, лежавших на полу Прогулочного коридора для священников. Он только что радостно прыгал по длинному выложенному плиткой проходу, ведущему вдоль всей длины часовни к покоям Моргенеса. Да, конечно, он *немного* размахивал метлой, представляя, что это флаг Дерева и Селезня эркингардов Престера Джона, а он ведет их в сражение. Быть может, ему следовало обращать больше внимания на то, что его окружало – но какой идиот станет развешивать набор лошадиных доспехов в Коридоре, отведенном для священников? Стоит ли говорить, что они упали с жутким грохотом, и теперь Саймон ждал скорого появления тощего и мстительного отца Дреосана.

Саймон принялся поспешно собирать потускневшие пластины доспехов, часть из которых вывалилась из кожаных ремешков, связывавших их вместе, и вспомнил еще одно высказывание Рейчел: «Дьявол находит работу для пустых рук». Конечно, это звучало глупо, и он разозлился. Дело вовсе не в его пустых руках и праздном уме, не они привели его к неприятностям. Нет, причина состояла в *делании и думанье*, из-за которых он постоянно спотыкался. Если бы только они оставили его в покое!

Отец Дреосан таки не появился к тому времени, когда Саймону удалось сложить доспехи так, чтобы они представляли собой не слишком надежную грудку, и поспешно засунуть ее под край свисавшей со стола скатерти. При этом он едва не перевернул стоявшую на нем золотую раку, но наконец – избежав новых неудач – поврежденные доспехи исчезли из вида, теперь только более светлое пятно на стене могло подсказать, что они вообще существовали. Саймон поднял метлу и попытался выровнять цвет покрытой сажей стены, а потом поспешно зашагал дальше по направлению к ведущей наверх лестнице.

Снова оказавшись в саду, из которого его так жестоко изгнала Рейчел Дракониха, Саймон на мгновение остановился, чтобы вдохнуть острый аромат зелени и избавиться от неприятного запаха мыла в носу. И тут его внимание привлекла необычная форма верхних ветвей Фестивального дуба, древнего дерева в дальнем конце сада, таких искривленных и шишковатых, что возникало впечатление, будто дерево в течение веков росло под огромной корзиной. Саймон прищурился, прикрыв глаза ладонью, защищая их от косых солнечных лучей. Птичье гнездо! В такое время!

Он едва не поддался искушению, даже бросил метлу и сделал несколько шагов в сторону сада, но в последний момент вспомнил о своей миссии у Моргенеса. Если бы он получил другое поручение, то сейчас уже взбирался бы на дерево, но возможность увидеть доктора была подарком, пусть ему и предстояла не самая интересная работа. Он обещал себе, что обязательно исследует гнездо позднее, и направился во Внутренний двор.

В ворота вошли два мужчины и сейчас направлялись в его сторону; один, невысокий и коренастый, шел довольно медленно, другой был еще более плотным и неторопливым. Саймон узнал свечника Джейкоба и его помощника Джеремию, который тащил на плече большой тяжелый мешок и едва переставлял ноги, медленнее, чем обычно – если такое вообще было возможно. Саймон издали поздоровался с ними. Джейкоб улыбнулся и помахал в ответ рукой.

– Рейчел хочет новые свечи для обеденной залы, – прокричал свечник, – и она их получит!

Джеремя сделал кислое лицо.

Короткая пробежка вниз по зеленому лугу привела Саймона к массивной сторожке у ворот. Солнечный луч все еще освещал крепостную стену у него за спиной, а тени вымпелов над Западным бастионом метались на траве, точно темные рыбины. Стражники в красно-белой форме – едва ли старше самого Саймона – улыбнулись и кивнули, когда главный шпион, с зажатой в руках смертельно опасной метлой и низко опущенной головой, с топотом промчался мимо – на случай, если тирану Рейчел захочется выглянуть в этот момент из высоких окон цитадели. Когда Саймон миновал башню и скрылся за высокой стеной, он перешел с бега на шаг. Тонкая тень Башни Зеленого Ангела пересекала ров; искаженный силуэт ангела, триумфально поднимавшийся на шпилье, лежал у дальнего края рва, освещенного солнцем.

Саймон решил, что, раз уж он здесь, будет правильно поймать несколько лягушек. Это не займет много времени, а доктору они могут пригодиться. Он не станет откладывать поручение, которое ему дала Дракониха, просто немного его углубит. Однако ему следовало поспешить – приближался вечер, и Саймон уже слышал, как сверчки готовятся к представлению, одному из последних в этом году, а лягушки-быки контрапунктом заводят свои негромкие, пронзительные песни.

Войдя в заросшую лилиями воду, Саймон на мгновение остановился, чтобы послушать и понаблюдать за темнеющей восточной частью неба, приобретающей темно-фиолетовый цвет. После покоев доктора Моргенеса ров был вторым его самым любимым местом из всего, что создал Бог... ну из того, что Саймон видел.

Незаметно для себя вздохнув, он стащил с головы бесформенную матерчатую шапку и пошлепал по воде туда, где водоросли и заросли гиацинтов были самыми густыми.

Солнце уже полностью скрылось, и ветер шумел в зарослях рогоза, окружавших ров, когда Саймон, с одежды которого стекала вода, а в каждом кармане сидело по лягушке, остановился перед дверью покоев Моргенеса. Он постучал по массивной панели, стараясь не прикасаться к незнакомому символу, начертанному мелом на дереве. Он на горьком опыте научился ничего не трогать руками без разрешения доктора. Прошло несколько мгновений, прежде чем он услышал голос Моргенеса.

– Уходите, – раздраженно сказал он.

– Это я... Саймон! – сказал он и снова постучал.

Следующая пауза получилась более длинной, потом он услышал быстрые шаги, и дверь распахнулась. Моргенес, голова которого едва доставала до подбородка Саймона, стоял в ореоле яркого голубого света, однако его лицо оставалось в тени. Он несколько мгновений смотрел на Саймона.

– Что? – наконец спросил Моргенес. – Кто?

Саймон рассмеялся:

– Ну я, конечно. Вам нужны лягушки? – Он вытащил пленников из их темниц и протянул Моргенесу, держа лягушек за скользкие лапки.

– О, о! – Казалось, доктор просыпается после глубокого сна. Он потряс головой. – Саймон... ну разумеется. Заходи, мальчик! Мои извинения... я немного отвлекся. – Моргенес открыл дверь настолько, чтобы Саймон смог проскользнуть мимо него в узкий внутренний коридор, потом быстро ее захлопнул.

– Значит, лягушки? Хм-м-м, лягушки... – Доктор обошел Саймона и повел его по коридору.

В голубом свете ламп, висевших на стенах, доктор, фигура которого невероятно напоминала веретено, подобно обезьяне, подпрыгивал, а не шел. Саймон следовал за ним, и его

плечи почти касались холодных каменных стен по обе стороны коридора. Он не мог понять, как комнаты в покоях доктора, казавшиеся такими маленькими снаружи – он смотрел на них со стен цитадели, а потом измерил шагами во дворе – могли иметь такие длинные коридоры.

Размышления Саймона прервал жуткий шум, эхом пронесшийся вдоль коридора – свистки, громкие удары и нечто, похожее на голодный лай сотни псов.

Моргенес удивленно подскочил.

– О, Имя всех Имен, я забыл задуть свечи. Жди здесь. – Маленький доктор поспешно зашагал по коридору, и его тонкие седые волосы взметнулись вверх, когда он слегка приотворил дверь в его конце – вой и свист тут же удвоили силу, – а Моргенес быстро скользнул внутрь.

Саймон услышал приглушенный крик.

Ужасающий шум внезапно стих – так же быстро и полностью, как если бы... если бы... «Кто-то задул свечу», – подумал Саймон.

Доктор выглянул наружу, улыбнулся и поманил его к себе.

Саймон, который уже видывал нечто похожее прежде, осторожно последовал за Моргенесом в его мастерскую. Слишком быстрый шаг в самом лучшем случае мог привести к тому, что он наступил бы на что-то неприятное.

Он огляделся по сторонам, но не заметил ни малейших следов того, что могло так шуметь. И вновь восхитился несоответствием между тем, какими покои Моргенеса казались снаружи – переделанные бараки стражников примерно в двадцать шагов длиной, возле увитого плющом северо-западного угла Среднего двора – и тем, что они представляли собой внутри: помещение пусть и с низким потолком, почти такое же длинное, как поле для турниров, но не настолько широкое. В мерцавшем оранжевом свете, проникавшем в мастерскую из маленьких окошек, длинный ряд которых выходил во двор, Саймон взгляделся в дальний конец комнаты и решил, что без особого труда сумеет попасть туда камнем с того места, где он сейчас стоял.

Странный удлиняющий эффект, однако, был хорошо ему знаком. На самом деле, несмотря на ужасающие звуки, помещение выглядело самым обычным образом – как если бы орда тронувшихся умом купцов открыла тут лавку, а потом поспешно сбежала во время разразившейся жуткой бури.

Длинный обеденный стол, начинавшийся от ближайшей стены, был заставлен изогнутыми стеклянными трубками, коробками и матерчатыми мешочками с порошками, едкими солями, а также замысловатыми сооружениями из дерева и металла, к которым присоединялись глубокие реторты, бутылочки и другие непонятные емкости. В центре стола стоял большой медный шар с крошечными носиками, торчавшими во все стороны. Казалось, он плавает в заполненном серебристой жидкостью блюде, установленном на треноге из слоновой кости. Из носиков сочился пар, а медная сфера медленно вращалась.

Пол и полки занимали еще более странные предметы. Полированные каменные блоки, метлы и кожаные крылья валялись на плитках, соперничая за пространство с клетками для животных – часть из них пустовала, в других сидели неизвестные существа, металлические тела которых покрывали косматые шкуры или совсем разные перья, множество прозрачных кристаллов лежало у завешенных гобеленами стен... и повсюду книги, книги, книги, брошенные открытыми или пристроившиеся возле стен, словно огромные неуклюжие бабочки.

А еще стеклянные шары с цветными жидкостями, кипевшими без огня, и плоский ящик с блестящим черным песком, который беспрерывно менял очертания, словно на него откуда-то дул сухой ветер пустыни. Деревянные шкафы у стен периодически извергали наружу раскрашенных деревянных птиц, они дерзко пищали и тут же исчезали. Рядом со шкафами висели карты стран с совершенно незнакомой географией – впрочем, следовало признать, что в этом предмете Саймон совсем не разбирался. В целом логово доктора для любопытного юноши являлось настоящим раем... вне всякого сомнения, самым замечательным местом во всем Светлом Арде.

Моргенес расхаживал в дальнем углу комнаты под провисшей картой звездного неба, где звезды были соединены яркими линиями так, что получилось изображение странной птицы с четырьмя крыльями. Доктор триумфально присвистнул, неожиданно наклонился и, точно белка весной, начал раскапывать кучу с разными предметами. В воздух летели шелестящие свитки, куски ярко выкрашенной фланели, миниатюрные тарелки и кубки с крошечного столика карликов. Наконец Моргенес выпрямился, держа в руках большой стеклянный куб, подошел к столу, поставил его и взял с полки пару, как показалось Саймону, случайно выбранных фляг.

Жидкость в одной из них имела цвет закатного неба, и над ней, как над кадилом, поднимался дымок. Другая фляга была наполнена чем-то синим и тягучим, и ее содержимое начало медленно переливаться в куб, когда доктор перевернул над ним обе фляги. Жидкости смешались и стали прозрачными, точно горный воздух. Доктор выбросил руку в сторону, точно странствующий фокусник, наступила короткая пауза.

– Лягушки? – спросил Моргенес, пошевелив пальцами.

Саймон бросился вперед, вытаскивая на ходу из карманов куртки выловленных во рву лягушек. Доктор взял их и изящным движением бросил в куб. Пара удивленных амфибий плюхнулась в прозрачную жидкость и стала медленно погружаться на дно, после чего они принялись энергично плавать по своему новому жилищу. Саймон рассмеялся от удивления и удовольствия.

– Это вода? – спросил он.

Старик повернулся и посмотрел на него блестящими глазами.

– Более или менее, более или менее... Итак! – Теперь Моргенес провел длинными согнутыми пальцами по редкой бородке. – Итак... спасибо за лягушек. Кажется, я уже знаю, что с ними делать. Совсем безболезненно. Им даже может понравиться, хотя не думаю, что они будут рады носить сапоги.

– Сапоги? – удивился Саймон, но доктор снова принялся суетиться, на этот раз сбросил стопку карт с низкого стула и жестом предложил Саймону сесть.

– Ну, юноша, что ты выберешь, положенную монетку за день работы? Фигурку? Или в качестве домашнего питомца коккиндрился? – Доктор тихо рассмеялся и помахал в воздухе мумией ящерицы.

Саймон несколько мгновений колебался, глядя на ящерицу, – будет здорово засунуть ее в корзинку с бельем новой девушке Хепзибе, чтобы она ее там обнаружила, – но нет. Мысль о горничной заставила его вспомнить про уборку, и это вызвало у него раздражение, ему требовалось что-то вспомнить, но он решил отбросить неприятные мысли. – Нет, – наконец сказал он. – Я бы хотел послушать какие-нибудь истории.

– Истории? – Моргенес наклонился вперед, вопросительно глядя на Саймона. – Истории? Тебе лучше отправиться к старому конюху Шему, если ты хочешь услышать нечто подобное.

– Нет, вовсе не такие истории, – поспешно объяснил Саймон. Он надеялся, что не обидел доктора. Пожилые люди такие чувствительные! – Истории о настоящих вещах. Как было прежде – сражения, драконы – как все происходило!

– Понятно. – Моргенес выпрямился, и на его розовом лице вновь появилась улыбка. – Понятно. Ты имел в виду *историю*. – Доктор потер ладони. – Это лучше – намного лучше! – Он вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате. – Ну так о чем ты хочешь послушать, парень? О падении Наарведа? О битве при Ак-Самрате?

– Расскажите о замке, – попросил Саймон. – О Хейхолте. Его построил король? Сколько лет замку?

– Замок... – Доктор перестал расхаживать по комнате, потянул за край серого, потрепанного одеяния и принялся рассеянно потирать одну из самых любимых диковинок Саймона:

экзотические доспехи цвета полевых цветов – ярко-голубые и желтые, полностью сделанные из полированного дерева.

– Хм-м-м, замок... – повторил Моргенес. – Ну это определенно история на две лягушки по меньшей мере. На самом деле, если бы я рассказал *всю* историю, тебе пришлось бы осушить ров и принести целую тележку бородавчатых пленников, чтобы за нее расплатиться. Но я полагаю, что сегодня тебя интересует лишь самое главное, и готов ответить на твой вопрос. Посиди спокойно, пока я отыщу, чем промочить горло.

Саймон пытался сидеть спокойно, когда Моргенес подошел к длинному столу, взял кубок, наполненный коричневой пенистой жидкостью, с сомнением ее понюхал, поднес к губам и сделал маленький глоток. После коротких раздумий он облизнул бритую верхнюю губу и с довольным видом потянул себя за бороду.

– О, Станширское темное. О чем бы мы ни говорили, эль – это то, что надо. Кстати, про что у нас шла речь? О да, про замок. – Моргенес расчистил место на столе, потом, аккуратно придерживая флягу, с удивительной легкостью подпрыгнул и сел, и его ноги в домашних тапочках оказались в половине локтя от пола. Он сделал еще один глоток. – Боюсь, эта история началась задолго до появления на свет нашего короля Джона. Нам следует вспомнить о первых мужчинах и женщинах, пришедших в Светлый Ард, – о простом народе, жившем на берегах реки Гленивент. Большинство из них было пастухами и рыбаками, возможно, изгнанными с потерянного Запада по какому-то сухопутному мосту, который больше не существует. Они не причиняли особых хлопот владыкам Светлого Арда...

– Мне показалось, вы сказали, будто они пришли сюда первыми? – перебил его Саймон, втайне довольный тем, что поймал Моргенеса на противоречии.

– Нет. Я сказал, что они были первыми *людьми*. Ситхи владели этой землей задолго до того, как здесь появились люди.

– То есть маленький народец и вправду существовал? – Саймон ухмыльнулся. – Про который нам рассказывает конюх Шем? Покасы, ниски и все остальные? – Это взволновало Саймона.

Моргенес энергично потряс головой и сделал еще один глоток.

– Не только существовал, они живут и сейчас – хотя ты заставляешь меня забегать вперед, – они в самом деле и есть «маленький народец»... подожди, парень, не мешай рассказывать.

Саймон наклонился вперед и постарался выглядеть терпеливым.

– Да?

– Ну как я уже упоминал, люди и ситхи жили как мирные соседи – да, иногда случались споры из-за пастбищ или вроде того, но люди никогда не являлись угрозой, и ситхи вели себя великодушно. Но время шло, люди начали строить города, до которых от границ земель ситхи иногда можно было дойти за полдня. Позднее на скалистом полуострове Наббан возникло огромное королевство, и смертные Светлого Арда начали поглядывать на него в поисках руководства. Ты еще не потерял нить моего повествования, мальчик?

Саймон кивнул, показывая, что слушает.

– Хорошо. – Долгий глоток. – Ну земля все еще казалась достаточно просторной для всех, пока по воде не пришло черное железо.

– Что? Черное железо? – Саймон тут же замер под строгим взглядом доктора.

– Моряки с почти забытого Запада, риммеры, – продолжал Моргенес. – Они высадились на севере, вооруженные, яростные, словно медведи, на длинных змеиных лодках.

– Риммеры? – удивился Саймон. – Как герцог Изгримнур, который при дворе? На лодках?

– До того как они осели здесь, предки герцога были великими мореплавателями, – подтвердил Моргенес. – Но когда они только приплыли, их не интересовали пастбища или земля для посевов, они явились сюда, чтобы грабить. Но что еще важнее, риммеры привезли с собой

железо – и секрет его обработки. Они делали железные мечи и копья, а такое оружие не ломалось, как бронза Светлого Арда; и оно могло противостоять ведьминому дереву ситхи.

Моргенес встал и наполнил свой кубок из накрытого ведра, стоявшего на башне из книг у стены. Вместо того чтобы вернуться к столу, он остановился и указал на блестящие доспехи.

– Никто не мог долго им противостоять – казалось, холодный, жестокий дух железа стал сутью мореплавателей, а не только их клинками. Многие люди сбежали на юг, под защиту передовых крепостей Наббана. Легионы Наббана, хорошо организованные гарнизонные войска, некоторое время успешно сопротивлялись. Но наконец им пришлось оставить Фростмарш риммерам. Тогда... очень многие погибли.

Саймон с довольным видом принялся ерзать на стуле.

– А что ситхи? Вы сказали, что у них не было железа?

– Оно оказалось для них смертельным. – Доктор облизнул палец и стер пятно на полированном дереве доспеха. – Даже они не могли одержать победу над риммерами в открытой битве, *но...* – он указал пыльным пальцем на Саймона, словно этот факт затрагивал его лично, – ситхи хорошо знали свою землю. Они были очень к ней близки, более того, являлись ее частью – захватчики никогда не могли такими стать. Ситхи довольно долго оборонялись, постепенно отступая к местам силы. Главнейшим из них – и основной их надеждой – был Асу'а.

Хейхолт.

– *Этот* замок? Ситхи жили в Хейхолте? – Саймон не сумел скрыть недоверия. – Как давно его построили?

– Саймон, Саймон... – Доктор почесал ухо и вновь устроился на столе. Солнце окончательно село, свет за окнами погас, и пламя факела превращало лицо Моргенеса в маску мумии, наполовину освещенную, наполовину темную. – Возможно, насколько известно мне или любому другому смертному, замок уже здесь стоял, когда пришли ситхи... когда Светлый Ард был новым и незапятнанным, точно ручей талого снега. Несомненно, народ ситхи обитал здесь множество лет до того, как появились люди. Асу'а стал первым местом в Светлом Арде, где можно почувствовать и увидеть работу их великолепных мастеров.

Эта твердыня контролировала все водные пути, а вокруг замка находились лучшие пастбища и самые плодородные земли. Хейхолт и его предки – древние цитадели, похороненные под ним, – стояли здесь еще в те времена, которые не остались в памяти человечества. Замок уже был очень, *очень* старым, когда появились риммеры.

Разум Саймона медленно осмысливал огромность рассказа Моргенеса. Старый замок внезапно стал агрессивным, а его каменные стены превратились в клетку. Он содрогнулся и быстро огляделся по сторонам, словно древняя злобная сущность могла прямо сейчас протянуть к нему свои пыльные руки.

Моргенес весело рассмеялся – слишком молодой смех для столь пожилого мужчины – и соскочил со стола, и Саймону даже показалось, что факелы разгорелись ярче.

– Не бойся, Саймон. Я думаю – кому, как не мне, это знать, – тебе не следует опасаться магии ситхи. Не сегодня. Замок сильно изменился, камень укладывали на камень, и каждый эль¹ здесь благословили сотни священников. О, Джудит и другие кухонные работники временами замечают, что пропало некоторое количество печенья, но я считаю, что причиной тому могут быть в равной степени как юноши, так и гоблины...

Доктора прервал настойчивый стук в дверь.

– Кто там? – крикнул он.

– Это я, – ответил печальный голос, и последовала долгая пауза. – Я, Инч, – закончил он.

– Клянусь костями Анаксоса! – выругался Моргенес, любивший экзотические выражения. – Ну так открой дверь... я слишком стар, чтобы бегать и обслуживать глупцов.

¹ Мера длины; расстояние от вытянутого среднего пальца до верхней точки плеча.

Дверь распахнулась внутрь. На фоне горевших в коридоре факелов возник человек, который, быть может, был бы высоким, если бы не наклоненная вперед голова и сгорбленное тело. Круглое пустое лицо плавало, словно луна, сразу над ключицами, а над ним во все стороны торчали черные волосы, срезанные неловкими руками тупым ножом.

– Я прошу прощения... я вас побеспокоил, доктор, но... вы сказали, чтобы я пришел пораньше, ведь так? – Голос был густым и медленным, точно капающий свиной жир.

Моргенес недовольно присвистнул и подергал себя за прядь седых волос.

– Да, но я сказал пораньше после обеда, время которого еще не наступило. Впрочем, теперь нет смысла отсылать тебя обратно. Саймон, ты знаком с Инчем, моим помощником?

Саймон вежливо кивнул. Он видел Инча один или два раза.

Вечерами Моргенес иногда приглашал его помочь, в особенности если требовалось поднимать что-то тяжелое. Определенно его не стоило использовать для других целей – складывалось впечатление, что Инчу даже нельзя было доверить помочиться перед сном в костер.

– Ну, юный Саймон, боюсь, что его появление положит на сегодня конец моему пустословию, – сказал старик. – Если уж Инч пришел, мне нужно его использовать. Возвращайся поскорее, и я смогу продолжить свой рассказ – если пожелаешь.

– Конечно. – Саймон еще раз кивнул Инчу, который проводил его коровьим взглядом. Рука Саймона уже потянулась к двери, когда в голове у него внезапно возникло видение: отчетливая картинка, на которой метла Рейчел лежит там, где он ее оставил возле рва, словно труп необычной птицы.

Оух!

Он ничего не станет говорить. Просто заберет метлу на обратном пути и скажет Драконихе, что ее поручение выполнено. У нее столько забот, к тому же она и доктор едва ли не самые старые обитатели замка и редко разговаривают друг с другом. Очевидно, он придумал отличный план.

Саймон и сам не понял, почему он обернулся. Доктор изучал свиток, наклонившись над столом, а Инч стоял у него за спиной и смотрел в пустоту.

– Доктор Моргенес...

Услышав собственное имя, доктор поднял голову и заморгал. Казалось, его удивило, что Саймон еще не ушел.

– Доктор, я глупец. – Моргенес выжидающе поднял брови. – Я должен был убрать в ваших покоях, – продолжал Саймон. – Мне велела Рейчел. А теперь день уже прошел.

– Ах, вот оно как! – Моргенес наморщил нос так, словно он у него чесался, а потом на лице у него появилась широкая улыбка. – Подмести в моих покоях? Ну, парень, ты можешь вернуться завтра, чтобы это сделать. Скажи Рейчел, что у меня есть дополнительная работа, если она будет настолько добра, что отпустит тебя ко мне. – Он снова обратился к столу, но еще раз поднял взгляд, прищурился и поджал губы.

И, пока доктор пребывал в задумчивом молчании, Саймон вдруг начал нервничать.

«Почему он так на меня смотрит?»

– Если подумать, мальчик, – наконец заговорил Моргенес, – мне потребуется постоянная помощь, а со временем я должен буду взять ученика. Возвращайся завтра, как я уже сказал. Я поговорю о тебе со старшей горничной. – Он мимолетно улыбнулся и вернулся к изучению свитка.

Тут только Саймон заметил, что Инч смотрит на него из-за спины доктора, и на его желтоватом лице застыло скучающее выражение. Саймон повернулся, быстро нырнул в дверь, проскакал по освещенному голубоватым пламенем факелов коридору и выскочил в темноту – небо было затянуто тяжелыми тучами. Ученик! Доктора!

Когда Саймон подошел к сторожке у ворот, он остановился, потом осторожно спустился ко рву, чтобы забрать метлу. Хор сверчков уже начал свой вечерний концерт. Саймон отыскал метлу и присел на берегу, чтобы немного их послушать.

Он погрузился в их ритмичную песнь, и его пальцы скользнули по разбросанным вокруг камням. Поглаживая гладкую поверхность, похожую на отполированный кедр, Саймон подумал:

«Этот камень мог стоять здесь еще до... до рождения Усириса. Быть может, мальчишка ситхи нашел это тихое место и сидел тут, слушая ночь».

Откуда взялся этот ветерок?

Казалось, будто голос шепчет, шепчет, но Саймон не различал слов.

«Быть может, он провел рукой по тому же камню...»

Ветер донес до него слова: Мы вернем его обратно, дитя человека. Мы все вернем...

Саймон закутался в куртку, ему вдруг стало холодно, встал, поднялся по заросшему травой склону, он вдруг отчаянно захотел услышать знакомые голоса и увидеть свет.

Глава 3

Птицы в часовне

#

– Во имя Благословенного Эйдона...

Шлепок!

– И Элизии, его матери...

Шлепок! Еще шлепок!

– И всех святых, которые наблюдают...

Шлепок! Шлепок!

– ...Следи за... ой! – Сердитое шипение. – Проклятые пауки.

Шлепки в сопровождении проклятий и молитв возобновились. Рейчел очищала от паутины потолок в столовой.

Две горничные заболели, еще одна растянула лодыжку. Это был один из тех дней, когда в агатовых глазах Рейчел Драконихи появлялся опасный блеск. Уже одно то, что Сарра и Джейл слегли от прилива крови – Рейчел отличалась суровым нравом, но хорошо знала, что каждый день работы больной девушки приводил к тому, что потом она выбывала из строя на три дня, – да, теперь Рейчел приходилось исправлять упущения, которые произошли в их отсутствие. И это при том, что она одна трудилась за двоих! А теперь сенешаль заявил, что король намерен обедать в Большом зале, Элиас, принц-регент, вернулся из Мермунда, и теперь дел у нее *прибавилось!*

А Саймон, отправленный час назад собрать две охапки камыша, так и не вернулся. И вот она, вместе со своим старым телом, стоит на шатком стуле, пытаясь добраться метлой до самых дальних уголков потолка, чтобы избавиться от паутины. Этот мальчишка! Этот, этот...

– Святой Эйдон, дай мне сил...

Шлепок! Шлепок! Шлепок!

Проклятый мальчишка.

«Мало того, что мальчишка ленив и с ним невероятно трудно, – думала Рейчел позднее, когда, задыхаясь, с покрасневшим лицом, опустилась на стул. – Ты не один год пытаешься выбить из него упрямство и знаешь, что он стал лучше. Но, Добрая Мать Господня, хуже всего то, что *всем* остальным на него наплевать!» Саймон уже был ростом со взрослого мужчину и находился в таком возрасте, что вполне мог делать серьезную работу – но нет! Он прятался, ускользал и предавался непонятным мечтаниям. На кухне все над ним смеялись. Горничные баловали Саймона и незаметно подкармливали, когда Рейчел выгоняла его из-за стола. А Моргенес! Милосердная Элизия, этот человек *поощряет* его глупости!

И вот теперь Моргенес спросил у Рейчел, может ли мальчик посещать его каждый день, подметать и наводить порядок в его покоях – ха! – и помогать в работе. Как если бы Рейчел не знала, с кем имеет дело. Эта парочка могла часами сидеть рядом, старый пьянчуга потягивал эль и рассказывал мальчишке свои дьявольские истории.

И все же она не могла не обдумать предложение доктора Моргенеса. Впервые кто-то проявил интерес к мальчику и захотел иметь с ним дело – и это при том, что Саймон постоянно болтался у всех под ногами! А Моргенес считал, что может принести мальчику пользу...

Моргенес часто раздражал Рейчел своими цветистыми речами с причудливыми оборотами – старшей горничной иногда казалось, что это искусно спрятанные насмешки, – но о

мальчишке он искренне беспокоился и старался сделать Саймону что-то хорошее... постоянно что-то предлагал, однажды спокойно вмешался, когда старший повар побил его и выгнал из кухни. Моргенес всегда приглядывал за мальчишкой.

Рейчел посмотрела на широкие балки потолка, затем ее взгляд переместился в тень, и она сдула прядь влажных волос с лица.

Потом она перевела взгляд на окно, в дождливую ночь – когда же это произошло – почти пятнадцать лет назад? Она почувствовала себя ужасно старой, вспоминая о прошлом... казалось, будто с той поры прошло совсем немного времени...

Дождь лил, не переставая, весь день и всю ночь. Когда Рейчел осторожно пересекла грязный двор, одной рукой подняв плащ над головой, а в другой держа фонарь, она наступила в широкую колею, оставшуюся от фургона, и почувствовала, как вода плеснула на икры. Ей удалось высвободить ногу из грязи, но раздался чавкающий звук, и Рейчел обнаружила, что одна ее туфля соскочила. Она с горечью выругалась и поспешила вперед. Она найдет свою смерть, если будет бегать по ночам с одной босой ногой, но у нее не было времени искать в лужах потерянную туфлю.

В кабинете Моргенеса горел свет, но ей показалось, что прошла вечность, прежде чем послышался звук его шагов. Когда он открыл дверь, Рейчел увидела, что доктор уже лег спать: на нем была длинная ночная рубашка, которая нуждалась в штопке, и он неуверенно потирал глаза, ослепленный ярким светом лампы. Сбившиеся одеяла на постели и бесконечные ряды книг заставили Рейчел подумать о гнезде какого-то грязного животного.

– Доктор, скорее! – сказала она. – Вы срочно нужны!

Моргенес удивленно посмотрел на нее и отступил назад.

– Зайдите, Рейчел. Я понятия не имею, какие ночные страхи привели вас ко мне, но раз уж вы здесь...

– Нет, нет, глупый мужчина, я про Сюзанну! Ее время пришло, но она очень слаба. Я боюсь за нее.

– Кто? Что? Ладно, не важно. Подождите немного, я вас догоню.

– Но, доктор Моргенес, я принесла для вас лампу.

Слишком поздно. Дверь закрылась, и она осталась в одиночестве стоять под дождем, чувствуя, как капли падают с ее длинного носа. Выругавшись, Рейчел зашлепала обратно к дому, где жили слуги.

Довольно скоро доктор Моргенес уже топал по лестнице, стряхивая воду с плаща. От двери он одним взглядом оценил происходящее: стонавшую на кровати женщину, лицо которой было повернуто в сторону, ее большой живот. Темные волосы спутались, она сжимала потной рукой пальцы другой молодой женщины, стоявшей перед ней на коленях. В изножье кровати он увидел Рейчел и пожилую женщину.

Пожилая женщина шагнула к Моргенесу, пока он снимал громоздкую верхнюю одежду.

– Здравствуй, Элиспет, – негромко сказал он. – Как дела?

– Боюсь, не слишком хорошо, сэр. Вы же знаете, что иначе я бы справилась сама. Схватки начались несколько часов назад, и она потеряла много крови. У нее слабое сердце. – Пока Элиспет говорила, Рейчел сделала шаг вперед.

– Хм-м-м. – Моргенес наклонился и принялся рыться в мешке, который принес с собой. – Пожалуйста, дайте ей немного вот этого, – сказал он, протягивая Рейчел закупоренный флакон. – Всего один глоток, но проследите, чтобы она его сделала.

Он снова принялся копаться в мешке, а Рейчел осторожно приоткрыла дрожавшие губы женщины и влила немного жидкости из флакона ей в рот. Царивший в комнате запах пота и крови смешался с острым пряным ароматом.

– Доктор, – начала Элиспет, когда Рейчел закончила, – я не думаю, что мы сумеем спасти и мать, и дитя, – возможно, погибнут оба.

– Вы должны спасти ребенка, – вмешалась Рейчел. – Это долг благочестивых людей. Так сказал священник. Спасите ребенка.

Моргенес повернулся к ней с недовольным видом.

– Хорошая женщина, я буду бояться Бога так, как сам считаю нужным, надеюсь, вы не против. Если я ее спасу – а я не стану делать вид, что знаю, как это сделать, – она сможет родить другого ребенка.

– Нет, не сможет, – резко возразила Рейчел. – Ее муж мертв.

Моргенес, вне всякого сомнения, должен был об этом знать. Рыбак, муж Сюзанны, часто посещал Моргенеса до того, как утонул, – хотя Рейчел не представляла, о чем они беседовали.

– Ну, – рассеянно сказал Моргенес, – она всегда сможет найти другого... что? Мужа? – Тут на его лице появилось удивленное выражение, и он поспешил к постели.

Казалось, он только сейчас сообразил, кто лежит на грубых простынях, истекая кровью.

– Сюзанна? – тихо позвал он и повернул испуганное, искаженное судорогой боли лицо женщины к себе. На мгновение на нем промелькнуло удивление, она узнала доктора, однако новая волна боли заставила ее закрыть глаза. – Что произошло? – Моргенес вздохнул. Сюзанна лишь стонала, и доктор сердито посмотрел на Рейчел и Элиспет. – Почему никто из вас не сообщил мне, что у нее начались роды?

– Она должна была рожать только через два месяца, – мягко ответила Элиспет. – Вы это знали. И мы сами удивлены ничуть не меньше.

– И с какой стати вас могли заинтересовать роды вдовы рыбака? – спросила Рейчел, которая рассердилась не меньше доктора. – И почему вы нам выговариваете?

Моргенес посмотрел на нее и дважды моргнул.

– Вы совершенно правы, – сказал он и снова повернулся к постели. – Я спасу ребенка, Сюзанна, – сказал он женщине, которая отчаянно дрожала.

Она кивнула в ответ, а потом закричала.

Потом они услышали тонкий, печальный крик, но все поняли, что его издал живой ребенок. Моргенес вручил крошечное, испачканное кровью существо Элиспет.

– Мальчик, – сказал он и повернулся к матери.

Она успокоилась, дыхание стало более медленным, но кожа была белой, как мрамор из Арча.

– Я его спас, Сюзанна. Я должен был, – прошептал он.

Уголки губ женщины дрогнули – возможно, она пыталась улыбнуться.

– Я... знаю... – сказала она охрипшим от криков голосом. – Если бы только... мой Илфренд... не утонул... – ей потребовалось слишком много усилий, чтобы произнести эти слова, и она смолкла.

Элиспет наклонилась к ней, чтобы показать завернутого в одеяло ребенка, все еще связанного с матерью окровавленной пуповиной.

– Он маленький, – старая женщина улыбнулась, – но это из-за того, что он родился слишком рано. Как его имя?

– ...Называйте... его... Сеоман... – прохрипела Сюзанна. – ...это означает... «ожидание»... – Она повернулась к Моргенесу, казалось, хотела сказать что-то еще.

Доктор наклонился к ней, его седые волосы коснулись снежно-белой щеки, но ей не удалось произнести ни слова. Через мгновение она ахнула, темные глаза закатились так, что стали видны лишь белки, и девушка, державшая ее за руку, заплакала.

Рейчел почувствовала, что и у нее на глазах появились слезы, отвернулась и сделала вид, что занялась уборкой. Элиспет разрежала пуповину, последнее, что соединяло ребенка с умершей матерью.

В этот момент правая рука Сюзанны, которой она крепко вцепилась в собственные волосы, разжалась и соскользнула с кровати. Послышался стук, что-то маленькое и блестящее покатилося по половицам и остановилось у ноги доктора. Краем глаза Рейчел увидела, что Моргенес наклонился и поднял предмет. Он был совсем крошечным и легко спрятался в его ладони, а потом исчез в мешке.

Рейчел охватила ярость, но никто ничего не заметил. Она повернулась к Моргенесу, слезы все еще стояли у нее в глазах, но на лице доктора застыла такая скорбь, что она не сумела произнести ни слова.

– Он будет Сеоманом, – сказал доктор, в его глазах появилось странное выражение, он шагнул к Рейчел и внезапно охрипшим голосом сказал: – Ты должна о нем позаботиться, Рейчел. Ты же знаешь, что его родители мертвы.

У нее перехватило в горле. Рейчел едва не соскользнула со стула и опомнилась только в самый последний момент. Задремать при свете дня – ей стало ужасно стыдно! Впрочем, это лишь напомнило, как преступно много времени она провела сегодня на ногах, пытаясь сделать работу сразу трех отсутствовавших девушек... и Саймона.

Ей требовалось подышать свежим воздухом. Стоять на стуле и размахивать метлой как безумная, – стоит ли удивляться, что она едва не упала в обморок. Ей было просто необходимо ненадолго выйти наружу. Видит бог, она слишком мало бывает на свежем воздухе. Этот Саймон, такой вредный мальчишка.

Конечно, они его вырастили, она и горничные. У Сюзанны не нашлось никаких родственников, и никто ничего не знал об ее утонувшем муже Илфференде, и они оставили мальчика у себя. Рейчел делала вид, что ей это не нужно, но она бы не отдала его – как никогда не предала бы своего короля или оставила постели неубранными. Именно Рейчел назвала его Саймон. Все, кто находились на службе у короля Джона, получали имена его родного острова, Варинстен. Ей казалось, что «Саймон» ближе всего к Сеоману – так он стал Саймоном.

Рейчел медленно спустилась по лестнице на нижний этаж, чувствуя, как у нее дрожат ноги, и пожалела, что не захватила с собой плащ, на улице было морозно. Дверь со скрипом медленно отворилась – она была очень тяжелой, и петли давно следовало смазать, – и Рейчел вышла во внешний двор. Утреннее солнце едва успело подняться над крепостной стеной и заглядывало, словно ребенок, во двор.

Рейчел любила это место, находившееся под каменным пролетом, связывавшим столовую и центральную часть часовни. В маленьком дворике на пологом холме в тени росли сосны и вереск, а садик в длину не превосходил броска камня. Посмотрев вверх мимо дорожки, она увидела стройную Башню Зеленого Ангела, сияющую и белую, точно слоновий бивень.

Было время, вспоминала Рейчел, задолго до рождения Саймона, когда она – еще девочка – играла в этом саду. И как сейчас посмеялись бы горничные, если бы представили такое: Дракониша – маленькая девочка. Тем не менее она ею была, потом превратилась в молодую женщину приятной наружности, и никто не мог бы с этим поспорить. Сад наполняли шорохи парчи и шелка, здесь смеялись и пели веселые песни лорды и леди, а на их сжатых в кулак руках сидели соколы.

Теперь же Саймон думал, будто он все знает – Господь создал парней глупыми, вот в чем дело. Девушки испортили бы его, и он стал бы неуправляемым, если бы Рейчел за ним не приглядывала. Она знала, как устроен мир, и пусть молодые считают иначе.

«Когда-то все было по-другому», – подумала Рейчел... и в этот момент от аромата сосен в окутанном тенями саду у нее вдруг сжалось сердце. Замок был таким красивым неугомонным

местом: высокие рыцари в шлемах с плюмажами и блестящих доспехах, красивые девушки в великолепных платьях, музыка... о, еще и турнирное поле с самоцветами шатров! Сейчас замок мирно спал и видел сны. А вместе с ним и вздымавшиеся к небу крепостные стены, королевство, которым управляла армия Рейчел: повара и горничные, сенешали и повара...

В саду действительно было немного холодно. Рейчел наклонилась вперед, плотнее закутавшись в шаль, потом выпрямилась и увидела стоявшего перед ней Саймона, который спрятал руки за спиной. Как он мог так незаметно подобраться? И почему на его лице застыла идиотская улыбка? Рейчел почувствовала, как ее охватывает праведный гнев. Его голени – чистые всего час назад – почернели от грязи и были расцарапаны, штаны порваны в нескольких местах.

– Да спасет меня святая Риappa! – закричала Рейчел. – Что ты наделал, глупый мальчишка?! – Риappa была женщиной-эйдониткой из Наббана, которая умерла с именем Единого Бога на устах после того, как ее многократно изнасиловали морские пираты. Она пользовалась огромной популярностью среди слуг.

– Посмотри, что у меня есть, Рейчел! – сказал Саймон, показывая помятый и перекошенный конус из соломы: птичье гнездо, из которого слышался слабый писк. – Я нашел его под Башней Хьелдина! Должно быть, его сбросило ветром. Три птенца еще живы, и я собираюсь их вырастить!

– Ты окончательно спятил? – спросила Рейчел, высоко поднимая метлу, подобную мстительным молниям Господа, которые уничтожили пиратов, обидевших Риappa. – Ты не станешь растить их в этом замке так же точно, как я не поплыву в Пердруин! Эти грязные существа будут повсюду летать, путаться у людей в волосах – и посмотри на свою одежду! Ты знаешь, сколько времени уйдет у Сарры, чтобы ее починить? – Метла задрожала в воздухе.

Саймон опустил глаза. Конечно, он нашел гнездо не на земле: именно его он заметил в саду, где оно сползло с ветки Фестивального дуба. Он забрался наверх, чтобы его спасти, его охватило возбуждение, ему ужасно захотелось иметь собственных птенцов, и он не подумал о Сарре, тихой скромной девушке, которой придется чинить его одежду. Саймон помрачнел.

– Но, Рейчел, я не забыл собрать камыш! – Он осторожно положил гнездо на землю и вытащил из-под куртки жалкую связку камыша.

Выражение лица Рейчел слегка смягчилось, но оставалось хмурым.

– Все дело в том, что ты совсем не думаешь, мальчик, совсем – и ведешь себя как маленький ребенок. Если что-то ломается или делается с опозданием, кому-то приходится отвечать. Так устроен мир. Я знаю, что ты не хотел никому навредить, но почему – клянусь Господом! – ты ведешь себя так *глупо*?

Саймон осторожно поднял взгляд. Хотя на его лице все еще застыли должные печаль и раскаяние, от строгого взгляда Рейчел не укрылось, что он решил, будто гроза прошла стороной. Она снова нахмурила брови.

– Мне очень жаль, Рейчел, правда... – начал он, когда она ткнула его в плечо ручкой метлы.

– Только не надо кормить меня бесконечными сожалениями, парень. Забери своих птиц и унеси их отсюда подальше. Здесь не будет никаких летающих существ!

– О Рейчел, я буду держать их в клетке! Я могу сделать для них клетку!

– Нет, нет и еще раз *нет*. Забирай их и отнеси своему бесполезному доктору, если хочешь, но не тащи сюда, чтобы тревожить честных людей, которым нужно работать.

Саймон поплелся прочь с гнездом в руках. Он совершил ошибку – Рейчел уже почти сдалась, но она была ужасно упрямой старушкой. Малейшая ошибка, и тебя ждет быстрое и неминуемое поражение.

– Саймон! – крикнула Рейчел ему вслед.

Он обернулся.

– Я могу их оставить?

– Конечно нет. Не будь олухом.

Она посмотрела на него. Неловкая пауза затянулась; Саймон переминался с ноги на ногу и ждал.

– Ты отправляешься работать к доктору, мальчик, – наконец сказала она. – Может быть, он сможет дать тебе хотя бы немного здравого смысла. Я сдаюсь. – Она бросила на него суровый взгляд. – И делай то, что тебе говорят, а также не забудь его поблагодарить – и удачи, Саймон, если она еще не окончательно тебя покинула. Ты понял?

– Да, конечно! – радостно ответил он.

– Но ты не избавишься от меня так легко. К обеду возвращайся.

– Да, госпожа! – Саймон повернулся, чтобы побежать к Моргенесу, но в последний момент остановился.

– Рейчел? Спасибо тебе.

Рейчел презрительно фыркнула и решительно направилась к лестнице, ведущей в столовую. «Интересно, как она умудрилась собрать столько сосновых иголок на свою шаль», – подумал Саймон.

С низких, оловянного цвета туч начал падать легкий снежок. Саймон знал, что погода окончательно изменилась, и в Праздник свечей будет холодно. Чтобы не нести птенцов через двор, где гулял ветер, он решил забежать в часовню и пройти через западную часть Внутреннего двора. Утренние молитвы уже закончились, и церковь наверняка опустела. Едва ли отец Дреосан будет рад появлению Саймона в своем логове, но он почти наверняка сидит за столом и поглощает свой обычный, весьма обильный поздний завтрак, поругивая качество масла или густоту пудинга из меда и хлеба.

Саймон преодолел две дюжины ступеней, которые вели к боковому входу в часовню. Снегопад усиливался, и серый камень стен стал влажным от таявших снежинок. Дверь открылась почти бесшумно – Саймон никак такого не ожидал.

Чтобы не оставлять предательских мокрых следов на вымощенном плитками полу часовни, он прошел через бархатные портьеры задних покоев и взобрался по другой лестнице на хоры.

Летом на заваленных старым хламом хорах было душно, но сейчас царило приятное тепло. На полу валялся самый разный мусор: ореховая скорлупа, отрывки яблок, куски черепицы, на которых остались послания – монахи совершали мелкие грехи, нарушая обет молчания – все здесь больше напоминало клетку для обезьян или фестивальных медведей, чем место, куда приходили люди Господа, чтобы петь ему хвалу. Саймон улыбнулся, осторожно пробираясь между разбросанными повсюду вещами – стопками одежды и хрупкими деревянными табуретками, совсем маленькими. Ему нравилось, что мужчины с бритыми головами и суровыми лицами могут быть такими же несдержанными, как крестьянские мальчишки.

И тут Саймон услышал голоса, и это его обеспокоило. Он остановился, отступил к задней стене хоров, прикрытой пыльными портьерами, и затаил дыхание, чувствуя, как сердце отчаянно колотится в груди. Он сообразил, что, если отец Дреосан или церковный сторож Барнабас находятся внизу, ему не удастся незаметно спуститься и выйти в заднюю дверь. Значит, придется вернуться обратно тем же путем и пересечь двор – опытный шпион во вражеском лагере.

Саймон присел на корточки, тихий, словно вата, и попытался определить, где находятся люди, которые о чем-то разговаривали. Ему показалось, что он слышит два голоса; птенцы у него в руках начали пищать, он осторожно пристроил гнездо на сгибе локтя и стащил с головы шапку – Саймон знал, что, если отец Дреосан застанет его в часовне в шапке, неприятностей не миновать! – и осторожно накрыл гнездо полями. Птенцы тут же смолкли, для них наступила

ночь. Дрожавшими руками Саймон осторожно раздвинул портьеры и выглянул наружу. Голоса доносились из прохода к алтарю. Их тон не изменился – его не заметили.

Внутри горело всего несколько факелов. Огромный потолок часовни почти полностью оставался в тени, и казалось, будто сияющие окна купола парят в ночном небе, дыры во тьме, сквозь которые виднелись небеса. Продолжая сжимать в руках гнездо с птенцами, Саймон стал бесшумно перемещаться к перилам хоров. Расположившись в тени, в углу, ближайшем к лестнице, уходящей вниз, к первому этажу часовни, он просунул лицо между резными стойками перил балюстрады, одна щека прижималась к сцене, изображавшей мученичество святого Таната, другая – к рождению святой Пелиппы с Острова.

– ...И ты, с твоими Господом проклятыми жалобами! – бранился один голос. – Я от них невероятно устал. – Саймон не видел лица говорившего, тот стоял спиной к хорам и был в плаще с высоким воротником. Однако его собеседника, сидевшего напротив на церковной скамье, разглядел хорошо и сразу узнал.

– Когда люди слышат вещи, которые им не нравятся, они называют их «жалобами», брат, – сказал тот, кто сидел на скамейке, устало взмахнув левой рукой с тонкими пальцами. – Я предупреждаю тебя о священнике из любви к королевству. – Наступило короткое молчание. – И в память о привязанности, которую мы когда-то разделяли.

– Ты можешь говорить что угодно, все, что пожелаешь! – рявкнул первый мужчина, и его гнев был полон боли. – Однако трон принадлежит мне по закону и желанию нашего отца. И ни твои мысли, ни слова, ничего не изменят!

Джошуа Однорукий – Саймон часто слышал, что так называют младшего сына короля – неловко поднялся со скамьи. Его жемчужно-серую тунику и лосины украшали едва различимые красно-белые узоры; каштановые волосы были коротко подстрижены, открывая высокий лоб. Вместо правой руки из рукава выглядывал цилиндр из черной кожи.

– Я не хочу сидеть на троне из костей дракона, не сомневайся, Элиас. – Джошуа произнес эти слова совсем тихо, но они полетели в убежище Саймона, точно стрелы. – Я лишь предупреждаю тебя относительно священника Прайрата, человека с... нездоровыми интересами. Не позволяй ему здесь появляться. Он опасный человек – *поверь* мне, ведь я знаю его давно, еще со времен семинарии Усириса в Наббане. Монахи избегали его, как переносчика чумы. Однако ты продолжаешь прислушиваться к нему, словно он достоин доверия не меньше, чем герцог Изгримнур или старый сэръ Флуирен. Глупец! Он разрушит наш дом. – Джошуа постарался успокоиться. – Я хочу лишь дать тебе совет, идущий от самого сердца. У меня нет никаких претензий на трон.

– Тогда покинь замок! – прорычал Элиас и повернулся спиной к брату, скрестив на груди руки. – Уйди и дай мне подготовиться к правлению, как и следует мужчине, – избавь от жалоб и интриг.

У старшего принца был такой же высокий лоб и ястребиный нос, но он обладал куда более мощным сложением, чем Джошуа, и выглядел как человек, способный голыми руками свернуть врагу шею. Его волосы, сапоги для верховой езды и туника были черными. На зеленом плаще и лосинах осталась грязь после долгого путешествия.

– Мы оба сыновья нашего отца, о будущий король... – Улыбка Джошуа получилась насмешливой. – Корона принадлежит тебе по праву. А наши разногласия не должны тревожить. Твое будущее королевское величество находится в полной безопасности – даю тебе слово. *Но*, – его голос стал набирать силу, – я не стану, услышь меня, *не стану* покидать дом моего отца по *любому* приказу. Даже если он исходит от тебя, Элиас.

Его брат повернулся и посмотрел в глаза Джошуа, и Саймону показалось, будто скрестились клинки.

– Наши разногласия? – прорычал Элиас, и в его голосе прозвучала боль и обида. – Что ты можешь иметь против *меня*? Твоя рука? – Он отошел от Джошуа на несколько шагов, и

его голос стал глухим от наполнившей его горечи. – Потеря руки. Из-за тебя я стал вдовцом, а моя дочь лишилась матери. Так что не говори мне о разногласиях!

Казалось, Джошуа затаил дыхание – он ответил после небольшой паузы.

– Твоя боль... твоя боль мне известна, брат, – наконец заговорил он. – Разве ты не знаешь, что я отдал бы не только правую руку, но и жизнь!..

Элиас резко развернулся, протянул руку к своей шее и вытащил что-то блестящее из-под туники. Но это был не нож, а нечто мягкое и податливое, похожее на образец мерцающей ткани. Элиас на миг поднес его к удивленному лицу брата, швырнул на пол, развернулся на каблуках и быстро зашагал прочь по проходу между скамьями. Джошуа долго стоял неподвижно, потом наклонился, двигаясь, точно человек во сне, и поднял яркий серебристый женский шарф. Он смотрел на мягкую ткань, и его лицо исказила гримаса ярости и страдания. Саймон сделал несколько быстрых вдохов и выдохов, а Джошуа спрятал шарф на груди, под рубашкой, и последовал за братом к выходу из часовни.

Прошло довольно много времени, прежде чем Саймон осмелился выбраться из своего укрытия и стал спускаться к главному выходу из часовни. Ему казалось, что он присутствовал при странном кукольном представлении, пьесе об Усирисе, сыгранной для него одного. Внезапно мир утратил свою стабильность, стал менее надежным – если принцы Эркинланда, наследники всего Светлого Арда, могут кричать и ругаться, как пьяные солдаты.

Когда он заглянул в главный зал часовни, его напугало внезапное движение: какой-то человек в кожаной куртке быстро шел по проходу – невысокий, юноша возраста Саймона или даже младше. Незнакомец бросил осторожный взгляд назад – Саймон увидел блеснувшие глаза – и скрылся за углом. Саймон его не узнал. Неужели он шпионил за принцами? Саймон покачал головой, чувствуя полное недоумение, точно ослепленный солнцем бык. Потом снял шляпу с гнезда, для птенцов наступил день, и они зачирикали, а Саймон снова покачал головой. Утро выдалось тревожным.

Глава 4

Клетка сверчка

#

Моргенес метался по мастерской, поглощенный поисками пропавшей книги, отмахнулся от просьбы Саймона найти клетку для птенцов и вернулся к охоте, переворачивая стопки манускриптов и томов, точно слепой великан в городе с хрупкими башнями.

Отыскать дом для птенцов оказалось более сложным делом, чем рассчитывал Саймон: в комнате имелось множество клеток, но ни одна не подходила. У некоторых прутья были расставлены так широко, что они больше подходили для свиней или медведей; другие Моргенес набил странными предметами, ни один из которых даже отдаленно не походил на животное. Наконец под грудой блестящей одежды ему удалось найти правильную клетку, высотой до колена, в форме колокола, сделанную из речного камыша, пустую, лишь на дне лежал слой песка; сбоку Саймон обнаружил маленькую дверцу, завязанную куском веревки. Он распутал узел и открыл клетку.

– *Прекрати!* Остановись немедленно!

– Что?! – Саймон отпрыгнул назад.

Доктор бросился к клетке и закрыл дверцу ногой.

– Извини, что напугал тебя, мальчик, – задыхаясь, проговорил Моргенес. – Мне бы следовало подумать, прежде чем посылать тебя разбираться в этом хаосе. Боюсь, она совсем не подходит для твоих целей.

– Но почему? – Саймон наклонился вперед, прищурился, но так и не сумел разглядеть внутри ничего особенного.

– Постой в стороне и ничего не трогай, я тебе покажу. Как глупо с моей стороны, что я забыл. – Моргенес принялся озираться, пока не увидел давно забытую корзину с сушеными фруктами. Он сдул пыль с инжира и подошел к клетке.

– А теперь смотри внимательно. – Моргенес открыл дверцу и бросил туда фрукт, который упал на песок на дне клетки.

– И что? – в недоумении спросил Саймон.

– Подожди, – прошептал доктор.

Когда он произнес это слово, в клетке стало что-то происходить. Сначала воздух внутри начал мерцать, Саймон увидел, что песок пошевелился, и вокруг инжира возник песчаный водоворот. Внезапно – так быстро, что Саймон отпрыгнул назад и вскрикнул – в песке появился большой зубастый рот и мгновенно сожрал фрукт, так проглатывает комара карп, вынырнувший на поверхность пруда. По песку пошла рябь, потом в клетке все замерло и снова выглядело вполне невинно.

– Кто сидит под песком? – выдохнул Саймон.

Моргенес рассмеялся.

– В этом все дело! – Он выглядел невероятно довольным. – Здесь сидит зверушка! Тут нет песка: просто маскарад, если можно так выразиться. На дне клетки обитает умное животное. Прелестно, ты согласен?

– Ну наверное, – без особой уверенности ответил Саймон. – Откуда оно взялось?

– Из Наскаду, из одной страны пустыни. Теперь ты понимаешь, почему я не хотел, чтобы ты открыл клетку – не думаю, что твои пернатые сиротки хорошо провели бы там время.

Моргенес снова закрыл дверцу клетки, завязал ее кожаным ремнем и поставил на высокую полку. Для этого ему пришлось забраться на стол, потом он пошел по нему, аккуратно перешагивая через разбросанные вещи, пока не нашел то, что искал, после чего спрыгнул на пол. В контейнере, сделанном из деревянных дощечек, не было подозрительного песка.

– Клетка для сверчков, – объяснил доктор и помог юноше переселить птичек в их новый дом.

Туда же они поставили крошечную миску с водой, потом Моргенес вытащил откуда-то маленький мешочек с семенами, которые рассыпал по полу клетки.

– А они уже достаточно взрослые для такой пищи? – спросил Саймон.

Доктор небрежно махнул рукой.

– Не беспокойся, это полезно для зубов.

Саймон обещал птенцам, что скоро вернется с чем-нибудь более подходящим, и последовал за доктором через мастерскую.

– Ну, молодой Саймон, чародей зябликов и ласточек, – сказал Моргенес и улыбнулся, – что я могу для тебя сделать в этот холодный полдень? Мне кажется, ты еще не завершил справедливое и благородное перемещение лягушек, когда нас вынудили прерваться.

– Да, и я надеялся...

– И мне кажется, что там было еще кое-что? – усмехнулся Моргенес.

– Что? – Саймон принялся напряженно вспоминать.

– Кажется, речь шла о том, что тут следовало подмести пол? Метла, одинокая и покинутая, мечтает в своем сучковатом сердце, чтобы ей позволили немного поработать, не так ли?

Саймон угрюмо кивнул. Он рассчитывал, что обучение начнется на более приятной ноте.

– О, легкое отвращение к черной работе? – Доктор приподнял бровь. – Объяснимо, но неуместно. Человеку следует ценить скучную работу, занимающую тело, но оставляющую свободными ум и сердце. Ну мы постараемся помочь тебе в первый день твоей службы. Я придумал замечательную систему. – Моргенес сделал смешное танцевальное па. – Я буду говорить, а ты – работать. Тебя устраивает?

Саймон пожал плечами.

– У вас есть метла? Я забыл свою.

Доктор заглянул за дверь и извлек предмет, столь пыльный и покрытый паутиной, что в нем едва ли можно было признать метлу.

– А теперь, – продолжал доктор, торжественно, словно королевский штандарт, вручив Саймону рабочий инструмент, – о чем ты хочешь, чтобы я рассказал?

– О пиратах и черном железе, и ситхи... и про их замок, конечно. И короля Джона.

– О да. – Моргенес задумчиво кивнул. – Довольно длинный список, но если нас снова не прервет глуповатый лентяй Инч, я смогу немного его сократить. Ну, начинай, мальчик – и пусть полетит пыль! Кстати, на чем я остановился в прошлый раз?...

– Появились риммеры, ситхи стали отступать, у риммеров были железные мечи, и они убивали *всех*, даже ситхи, при помощи черного железа...

– Хм-м-м, – сухо протянул Моргенес, – кажется, я начинаю вспоминать. Да. Ну, по правде говоря, северные налетчики не убивали *всех*; кроме того, они нападали не так часто и вели себя не настолько жестоко, как тебе могло показаться. Они провели много лет на севере, прежде чем впервые пересекли Фростмарш, – но и в этот момент им пришлось столкнуться с серьезным препятствием – жителями Эрнистира.

– Да, но народ *ситхи!*.. – Саймон испытывал нетерпение. Он все знал про эрнистирийцев – встречал многих из западных языческих земель. – Вы сказали, что маленький народец бежал от железных мечей!

– Не *маленький народец*, Саймон, я... ой! – Доктор опустился на грудь переплетенных в кожу книг и подергал себя за редкую бороду. – Я вижу, что мне нужно рассказать все подробнее. Тебя ждут к обеду?

– Нет, – тут же соврал Саймон.

Рассказ доктора, который не придется прерывать, казался ему достойной платой за легендарную взбучку Рейчел.

– Хорошо. Тогда поищем для нас хлеба и лука... ну и чего-нибудь выпить – разговоры всегда вызывают жажду, – и тогда я попытаюсь превратить окалину в чистейший металл, иными словами, чему-то тебя научу.

Когда они отыскивали еду и выпивку, доктор снова сел.

– Ну, так вот, Саймон, – о, только не надо демонстрировать скромность, орудуя метлой во время еды. Молодые люди такие подвижные! Ну а сейчас поправь меня, если я ошибусь. Сегодня ддродень, пятнадцатое – шестнадцатое? – нет, пятнадцатое новандера. А год – 1164-й, верно?

– Думаю, да, – кивнул Саймон.

– Превосходно. Положи это на табуретку, ладно? Итак, тысяча сто шестьдесят четвертый год с начала *чего*? Ты знаешь? – Моргенес наклонился вперед.

Саймон сделал кислое лицо. Доктор знал, что он олух, и теперь испытывает его. Ну откуда поваренку могут быть известны такие вещи? Он продолжал молча подметать пол.

Через некоторое время Саймон поднял голову. Доктор жевал, внимательно разглядывая корку черного хлеба.

«Какие пронизательные голубые глаза у старика». Саймон отвернулся.

– Ну, так что? – с полным ртом снова спросил доктор. – От начала чего?

– Я не знаю, – пробормотал Саймон, который возненавидел собственный обиженный голос.

– Хорошо, – продолжал Моргенес. – Или ты только думаешь, что не знаешь. Ты слушаешь воззвания, когда их читает глашатай?

– Иногда. Когда хожу на рынок. Или мне Рейчел рассказывает, что они говорили.

– И что глашатаи всегда произносят в конце? В конце они называют дату, помнишь? – проворчал Моргенес. – И будь осторожен с хрусталем, мальчик, ты подметаешь так, словно человек, бредущий злейшего врага. Так что он говорит в конце?

Саймон покраснел от стыда и уже собрался бросить метлу и уйти, когда из глубин его памяти всплыла фраза вместе с шумом рынка – шелест флажков на ветру и хлопанье навесов, – а также чистый запах весенней травы под ногами.

– От Основания. – Да, он был уверен.

Он слышал эти слова, когда стоял на рынке.

– Превосходно! – Доктор поднял кружку, словно салютуя ему, и сделал большой глоток. – Ну а теперь, «Основания» *чего*? Не беспокойся, – продолжал Моргенес, когда Саймон потряс головой, – я тебе расскажу. Я не рассчитываю, что молодые люди в наши дни, выросшие на сомнительных рассказах о путешествиях и героических подвигах, знают истинную историю. – Доктор покачал головой, сделав вид, что он опечален. – Речь идет об основании *Империи Наббана* – или объявлении о ее основании – тысяча сто и тридцать с чем-то лет назад, Тягарисом, первым императором. В те времена легионы Наббана правили всеми землями людей на севере и юге и по обоим берегам реки Гленивент.

– Но Наббан совсем маленький! – Саймон был удивлен. – Он лишь малая часть королевства короля Джона!

– Это, молодой человек, – сказал Моргенес, – и есть то, что мы называем «историей». Империи имеют обыкновение приходить в упадок, королевства распадаются. За тысячу с лишним лет может произойти все, что угодно – на самом деле расцвет Наббана продолжался

заметно меньше. Однако я имею в виду совсем другое – когда-то Наббан управлял людьми, которые жили бок о бок с ситхи. Король ситхи правил здесь, в Асу’а – Хейхолте, как мы его называем. Король-Эри – «эри» старое слово, означающее ситхи – отказывал людям в праве посещать земли его народа, требовалось особое разрешение, и люди – очень сильно опасавшиеся ситхи – подчинялись.

– А кто *такие* ситхи? – спросил Саймон. – Вы сказали, что они не имеют отношения к маленькому народцу.

Моргенес улыбнулся:

– Я ценю твой интерес, парень – и это при том, что сегодня я ничего не говорил об убийствах и сражениях! – но я бы оценил его еще больше, если бы ты активнее работал метлой. Танцуй с ней, мальчик, танцуй! Вот, посмотри сюда, здесь просто необходимо навести порядок.

Моргенес быстро подошел к стене и указал на пятно из сажи диаметром в несколько локтей, которое очень походило на след ноги. Саймон решил ничего не спрашивать и принялся счищать сажу с камня, покрытого белой известью.

– О, большое тебе спасибо. Я хотел привести это место в порядок уже несколько месяцев – с самого октандера, если уж быть точным. Да, во имя Меньших Вистрил, на чем я остановился?... О, твои вопросы. Ситхи? Ну они пришли сюда первыми, возможно, снова вернуться, когда не станет нас. Когда мы все уйдем. Они отличаются от нас так же, как люди от животных – но и похожи, как животные... – Доктор смолк и задумался.

– Если быть до конца честным, люди и животные сравнительно недолго живут в Светлом Арде, чего не скажешь о ситхи, – продолжал Моргенес. – Ситхи нельзя назвать бессмертными, но они живут намного дольше любого смертного человека, даже нашего короля, которому скоро исполнится сто лет. Возможно, они вообще не умирают, если исключить насилие или самоубийство, – быть может, будь ты ситхи, насилие стало бы твоим выбором.

Моргенес смолк, а Саймон смотрел на него разинув рот.

– О, прикрой рот, мальчик, ты становишься похож на Инча. Это моя привилегия погружаться в раздумья. Быть может, ты предпочтешь вернуться на кухню и послушать старшую горничную?

Саймон закрыл рот и продолжил соскребать сажу со стены. Теперь пятно уже не напоминало след ноги – Саймону оно казалось похожим на овцу; время от времени он останавливался, чтобы оценить свою работу. Ему стало немного скучно, конечно, ему нравился доктор, и он предпочел бы находиться здесь, а не в любом другом месте – но старик так много говорил! Может быть, если он сотрет еще немного сверху, пятно превратится в собаку?... В животе у него тихонько заурчало.

Моргенес принялся подробно рассказывать, добавляя детали, которые Саймону казались лишними, о столетиях мира между не старевшим Королем-Эри и быстро достигавшими успехов императорами людей.

– ...и вот ситхи и люди нашли некое равновесие, – сказал старик. – Они даже понемногу торговали между собой...

Живот Саймона громко заурчал. Доктор едва заметно улыбнулся и положил обратно последнюю луковицу, которую взял со стола.

– Люди привозили пряности и краски с Южных островов или драгоценные камни из гор Грианспог, что в Эрнистире, а в ответ получали от Короля-Эри красивые вещи, сделанные с удивительным мастерством.

Терпение Саймона закончилось.

– Но как же пираты риммеры? И что с железными мечами? – Он посмотрел по сторонам в поисках чего-нибудь съестного.

Последняя луковица? Саймон бочком к ней подобрался. Моргенес смотрел в окно; пока старик не отводил взгляда от серого неба, Саймон засунул в карман маленькую коричневую

луковицу и поспешно вернулся к пятну на стене. Оно заметно уменьшилось и теперь походило на змею.

Моргенес продолжал, не поворачиваясь от окна:

– Полагаю, в моей сегодняшней истории было довольно много мирных событий. – Он покачал головой и повернулся обратно к столу. – Но мир скоро закончится, можешь не сомневаться. – Моргенес снова покачал головой, и прядь тонких волос упала на морщинистый лоб.

Саймон принялся незаметно жевать луковицу.

– Золотая эра Наббана продолжалась немногим больше четырех столетий, пока в Светлом Арде не появились риммеры. Наббанайская империя начала разваливаться, линия Тьягарисов прервалась, и каждый следующий император приходил к власти в результате случайно выпавших костей; некоторые из них были достойными людьми, пытавшимися удерживать границы страны. Другие, вроде Крексиса Козла, оказались даже хуже, чем грабители с севера. А такие, как Энфортис, были слишком слабыми. Во время его правления пришли повелители железа. Наббан решил полностью уйти с севера.

Они отступили на другой берег реки Гленивент так быстро, что многие аванпосты на северных границах оказались брошенными, и гарнизонам оставалось лишь погибнуть или присоединиться к риммерам. Кажется, ты заскучал, мальчик?

Саймон, прислонившийся к стене, выпрямился и увидел на лице Моргенеса грустную улыбку.

– Нет, доктор, нет! – возразил Саймон. – Я просто прикрыл глаза, чтобы лучше вас слушать. Продолжайте!

На самом деле имена, имена, имена навевали на него сон... и ему хотелось, чтобы доктор поскорее перешел к временам, в которых начались сражения. Но ему нравилось, что во всем замке он был единственным человеком, с которым Моргенес разговаривал. Горничные не имели ни малейшего представления о таких... мужских вещах. Да и что могли горничные и служанки знать об армиях, флагах и мечах?...

– Саймон?

– О! Да? Продолжайте! – Он повернулся, чтобы смести остатки сажи со стены, а доктор возобновил свой рассказ.

Стена стала чистой. Он закончил работу, сам того не заметив?

– Что же, я постараюсь сделать историю более короткой, парень. Как я уже говорил, Наббан отвел армии с севера и впервые стал полностью южной империей. Конечно, это стало лишь началом конца; по мере того как шло время, империя складывалась внутрь, точно одеяло, и становилась все меньше и меньше: теперь Наббан немногим больше, чем герцогство, – полуостров и несколько прилегающих к нему островов. Клянусь стрелой Палдира, что ты *делаешь*?

Саймон извивался, как пес, пытающийся почесать неудобное место. Да, вот где оказались остатки сажи: пятно в форме змеи перешло на его рубашку. Он робко посмотрел на Моргенеса, но доктор лишь рассмеялся и продолжал:

– Без имперских гарнизонов, Саймон, на севере наступил хаос. Пираты захватили северную часть Фростмарша и назвали свой новый дом Риммерсгард. Но риммерам этого показалось мало, они двинулись на юг, уничтожая все на своем пути. Поставь в стопку у стены, хорошо? Они грабили и убивали, многих брали в плен, но ситхи они считали злыми существами, повсюду их преследовали и убивали огнем и холодным железом... осторожнее с этим томом, вот так, молодец.

– Здесь, доктор? – спросил Саймон.

– Да, клянусь костями Аноксоса, *не бросай* их! Положи аккуратно! Если бы ты знал об ужасных ночных часах, которые я провел на кладбище Утаниата, чтобы до них добраться!.. Вот! Так гораздо лучше. А теперь о жителях Эрнистира – гордых, страстных людях, которых не смогли окончательно покорить даже императоры Наббана – далеко не все из них были готовы

покориться риммерам. Они приходили в ужас от того, что риммеры делали с ситхи. Из всех людей ближе других к ситхи были именно эрнистирийцы – и до сих пор остались следы древнего торгового тракта между этим замком и Таигом в Эрнисдарке. Повелитель Эрнестира и Король-Эри заключили отчаянный союз и в течение некоторого времени удерживали северный поток на границах своих земель.

Но даже их совместных сил оказалось недостаточно. Фингил, король риммеров, сумел перейти Фростмарш у границ территории Короля-Эри... – Моргенес печально улыбнулся. – Мы приближаемся к концу, юный Саймон, не беспокойся, подходим к концу этой истории...

В 663 году два огромных войска сошлись в долине Ак-Самрат, в Саммерфилде, к северу от реки Гленивент. Пять дней продолжалось ужасное, безжалостное сражение, и эрнистирийцы вместе с ситхи сдерживали натиск риммеров. Однако на шестой день их незащищенный фланг предательски атаковали тритинги, давно мечтавшие о богатствах Эркинланда и ситхи. Они напали под покровом ночи. Оборона была прорвана, колесницы эрнистирийцев разбиты, Белый Олень, символ Дома Хем, втоптан в кровавую грязь. Говорят, в ту ночь погибло десять тысяч эрнистирийцев. Никто не знает, сколько пало ситхи, но и они понесли тяжелые потери. Те эрнистирийцы, которым удалось спастись, бежали в леса своего родного дома. И по сей день в Эрнестире Ак-Самрат означает ненависть и утраты.

– *Десять тысяч!* – присвистнул Саймон.

Его глаза сияли от ужаса и грандиозности картины, нарисованной Моргенесом.

На лице доктора появилась едва заметная гримаса, но он не стал комментировать реакцию Саймона.

– В тот день подошло к концу влияние ситхи в Светлом Арде, хотя потребовалось три долгих года осады, прежде чем северяне одержали победу и захватили Асу'а. Если бы не странная и пугающая магия, сотворенная сыном Короля-Эри, ни один ситхи не пережил бы падения замка. Однако многим удалось бежать в леса, на юг, к морю и... в другое место.

Теперь внимание Саймона стало полным, словно его прибили к месту гвоздями.

– А что стало с сыном короля? – спросил он. – Как его звали? И какую магию он использовал? – Тут Саймону в голову пришла новая мысль. – И Престер Джон? Я думал, вы расскажете мне о короле – нашем короле!

– В другой раз, Саймон. – Моргенес принялся обмахивать лицо веером из тонких пергаментов, хотя в его покоях было прохладно. – Есть множество историй о том, что произошло после падения Асу'а, которые можно рассказать. Риммеры правили здесь до тех пор, пока не появился дракон. В дальнейшем, пока дракон спал, другие люди захватили замок. За долгие годы в Хейхолте сменилось много королей, то были мрачные времена с огромным количеством смертей, пока не пришел король Джон... – Он смолк и провел рукой по лицу, словно пытаясь стереть с него усталость.

– А что произошло с сыном короля ситхи? – тихо спросил Саймон. – Что стало с его... «пугающей магией»?

– О сыне Короля-Эри... лучше ничего не говорить.

– Почему? – не унимался Саймон.

– Хватит вопросов, мальчик! – прорычал Моргенес, взмахнув руками. – Я устал от разговоров!

Саймон обиделся, он же всего лишь пытался услышать всю историю; и почему взрослые так легко раздражаются? Однако не следует варить курицу, которая несет золотые яйца.

– Извините, доктор, – сказал Саймон, стараясь сделать вид, что он раскаивается, но старый ученый выглядел так забавно: розовое лицо обезьянки, редкие волосы торчат в разные стороны!

Саймон почувствовал, как его губы разъезжаются в улыбке. Это не укрылось от Моргенеса, но суровое выражение его лица не изменилось.

– Правда, я сожалею, – продолжал Саймон. Никакой реакции. Что же делать? – Спасибо за рассказ.

– Это не «рассказ»! – взревел Моргенес. – *История!* А теперь с меня хватит. Отправляйся домой и возвращайся завтра рано утром, и будь готов к работе, ведь сегодня ты едва начал!

Саймон встал, пытаясь контролировать улыбку, но стоило ему повернуться, как она тут же выползла на его лицо, точно подвязковая змея. Когда дверь закрылась у него за спиной, он услышал, как Моргенес ругается, поминая жутких демонов, спрятавших его кувшин с портером.

Полуденное солнце пробивалось сквозь тяжелые тучи, когда Саймон шел в сторону Внутреннего двора. Со стороны казалось, будто он едва плетется и зевает, высокий неуклюжий мальчишка с копной рыжих волос, в запыленной одежде. Однако внутри он был полон странных мыслей, в нем поселился целый муравейник гудящих и шепчущих желаний.

«Посмотри на замок, – подумал он. – Старый, мертвый камень, стоящий на другом мертвом камне, скалы, населенные не слишком умными существами. А прежде тут все было иначе, происходили замечательные вещи. Звучал зов рога, сверкали мечи, великие армии сталкивались в жестоких сражениях, точно волны Кинслэга, ударяющие в стену Сигейт». Прошли сотни лет, но Саймону казалось, будто все это вершится прямо сейчас, только для него, пока медленный неразумный народ, делящий замок с далеким прошлым, думает лишь о следующей трапезе, после чего укладывается спать.

Идиоты.

Когда он проходил через задние ворота, его внимание привлек мерцающий свет, появившийся на далекой дорожке, ведущей к Башне Хьелдина. Там стояла девушка, яркая и крошечная, точно драгоценный камень, ее зеленое платье и золотые волосы притягивали лучи солнца, и казалось, что оно светит лишь для нее. Саймон не мог разглядеть лица девушки, но не сомневался, что оно невероятно красиво – и великодушно, как изображение Безупречной Элизии, которое он видел в часовне.

На мгновение вспышка зеленого и золотого зажгла в нем огонь, точно искра, попавшая на сухой хворост. Саймон почувствовал, как исчезают все его тревоги и неприятности, сгорев в одну секунду. Он стал легким, невесомым, точно лебяжий пух, любой ветерок мог унести его прочь, направить вверх, к золотому сиянию.

А потом он отвел взгляд от замечательной безликой девушки и посмотрел на свою рваную и грязную одежду. Рейчел его ждала, а обед наверняка остыл. И все та же неопишуемая тяжесть привычно легла на его ссутулившиеся плечи, когда он поспешил к крылу, где обитали слуги.

Глава 5

Окно башни

#

Новандер подходил к концу – дул ветер и шел небольшой снег; декандер терпеливо ждал своего часа, а вместе с ним и конец года.

Король Джон Пресбитер заболел после того, как призвал двух своих сыновей в Хейхолт, и вернулся в свою комнату, где царили тени, а его окружали пиявки, ученые доктора и приста-вучие заботливые камердинеры. Епископ Домитис, доставленный из собора Святого Сутрина, крупнейшей церкви Эрчестера, занял место у постели Джона и периодически будил короля, чтобы проверить структуру и тяжесть королевской души. Старик продолжал слабеть, но переносил боль и священника с почтительным стоицизмом.

В крошечной комнатухе рядом с покоями короля, где в течение сорока лет обитал Тайгер, на дне дубового сундука лежал меч Сияющий Коготь, смазанный и убранный в ножны, тщательно завернутые в тонкое полотно.

По широким равнинам Светлого Арда разнеслась весть: Престер Джон умирает. Эрнисти-стир с запада и Риммерсгард с севера немедленно отправили делегации к постели больного короля Эркинланда. Старый герцог Изгримнур, левая рука Джона за Большим столом, при-вел пятьдесят риммеров из Элвритсхолла и Наарведа, все воины были с головы до ног одеты в меха и кожу – зима уже перешла Фростмарш. Сына короля Ллута сопровождали всего два-дцать эрнистирийцев, но блестящее золото и серебро, которое их украшало, заставляло забыть о скромности их одежд.

Замок начал оживать, зазвучала музыка языков, которые здесь давно не слышали: рим-мерспак, пердруин и арча. Заливистая речь жителей островов Наракси плыла над двором, а в конюшнях эхом разносились напевные низкие голоса тритингов, обитателей лугов, как и все-гда, лучше всего чувствовавших себя рядом с лошадьми. Но над всеми ними парила речь Наб-бана, тщательно проработанный язык Матери Церкви и ее священников эйдонитов, как всегда, берущих все под контроль во время рождений и смертей людей и их душ.

В высоком Хейхолте и Эрчестере маленькие армии иноземцев встречались и расходились по большей части без неприятных инцидентов. Хотя многие из этих народов прежде являлись смертельными врагами, почти восемь десятков лет под эгидой Верховного короля исцелили многие раны. Так что было больше выпито пива, чем произнесено грубых слов.

Однако в этой гармонии имелось одно тревожное исключение – и его было трудно не заметить или неправильно истолковать. Повсюду, где они встречались, под широкими воро-тами Хейхолта или в узких улочках Эрчестера, солдаты в зеленой форме принца Элиаса и сторонники принца Джошуа в серых рубашках толкались и ссорились, демонстрируя всем, что между королевскими сыновьями существуют серьезные разногласия. Эркингардам Пре-стера Джона даже пришлось разнимать несколько безобразных драк. Наконец один из сто-ронников Джошуа получил ножевую рану от дворянина из Мермунда, близкого друга пре-столонаследника. К счастью, рана оказалась не смертельной – удар был нанесен неуверенной пьяной рукой, – и противникам пришлось прислушаться к выговорам пожилых придворных. Войска обоих принцев вернулись к обмену холодными взглядами и презрительными усмеш-ками; открытого кровопролития удалось избежать.

То были странные дни в Эркинланде, да и во всем Светлом Арде, дни, отягощенные в равной мере скорбью и возбуждением. Король еще не умер, но все указывало на то, что жить ему осталось недолго. Мир менялся – но он и не мог остаться прежним, ведь Престер Джон больше не сядет на трон из костей дракона.

«...Удундень: сон... доррденъ: лучше... фрейденъ: самый лучший... сатринденъ: рыночный день... солденъ – отдых!»

Перепрыгивая сразу через две скрипевшие ступеньки, Саймон во весь голос распевал старый стишок и едва не сбил с ног Софрону, главную прачку замка, которая вела эскадрон служанок, сгибавшихся под горами одеял, к выходу в Сосновый сад. Она с негромким криком отшатнулась к дверному проему, когда Саймон промчался мимо, и погрозила костлявым кулаком его быстро удалявшейся спине.

– Я все расскажу Рейчел! – прокричала она.

Ее подопечные с трудом сдерживали смех.

Кого интересуется Софрона? Сегодня сатринденъ – рыночный день, – и повариха Джудит дала Саймону два пенни, чтобы он кое-что купил для нее, и медную монетку для него – о, славный сатринденъ. Монетки приятно звенели в кожаном кошельке, когда Саймон по спирали промчался по длинным круглым дворам замка и выскочил в ворота Внутреннего двора, почти пустые, потому что их обитатели, солдаты и мастера, отправились на рынок.

Животные кружили по Внешнему двору, сбивались вместе, пытались согреться, а охранявшие их пастухи выглядели такими же несчастными. Саймон пробежал мимо рядов низких домов, кладовых, навесов для животных, многие из них обветшали и заросли голым ивняком, единственным растением во внутренних стенах Высокой цитадели.

Солнце выглядывало из-за туч, и его лучи блестели на огромном халцедоновом лице ворот Нирулаг. Саймон слегка замедлил бег, оглянув лужи, и разинул рот, глядя на изощренное изображение победы короля Джона над Ардривисом – в сражении, после которого Наббан наконец был покорен, – и вдруг услышал быстрый грохот копыт и пронзительный скрип колес повозки. Он поднял голову и с ужасом обнаружил, что смотрит в закатившиеся глаза лошади, из-под копыт которой во все стороны полетела грязь, когда она пронеслась в ворота Нирулаг.

Саймон метнулся в сторону и почувствовал порыв ветра – лошадь промчалась в шаге от него, и летевшая вслед за ней повозка едва не перевернулась. Саймон успел разглядеть возницу, одетого в темный плащ с капюшоном, отделанным алым.

Взгляд возницы скользнул по Саймону, когда повозка пронеслась мимо – у него были блестящие, как жестокие круглые зрачки акулы, глаза, впрочем, это продолжалось всего мгновение. Однако Саймон ощутил, что взгляд возницы его обжег. Он отшатнулся, вцепился в каменную стену и проводил взглядом повозку, скрывающуюся за Башней Внешнего двора. Позади пищали и сустились цыплята – за исключением тех, что остались лежать в колее, а ветер нес над землей их грязные перья.

– Эй, парень, ты не пострадал? – Один из стражников у ворот снял дрожавшую руку Саймона с резной створки. – Тогда проходи.

Снег кружил в воздухе, оставлял влажные следы на щеках Саймона, когда он шагнул по пологому склону в сторону Эрчестера. Звон монеток у него в кармане поменял ритм и стал неуверенным и вялым.

– Этот священник окончательно спятил, – услышал Саймон слова стражника, обращавшегося к своему товарищу. – Не будь он человеком принца Элиаса...

Трое ребятишек, шедших за медленно бредущей по влажной дороге матерью, принялись показывать пальцами на длинноногого Саймона, когда он проходил мимо, и рассмеялись, увидев выражение его бледного лица.

Через всю Главную улицу, между домами были сделаны навесы из сшитых вместе шкур. На каждом перекрестке стояли большие каменные пирамиды с горящим внутри огнем, дым большинства из них – пусть и не весь – уходил сквозь отверстия в навесах. Снег падал вниз через трубы и шипел в жарком воздухе. Люди грелись у огня или прогуливались и беседовали – незаметно разглядывая выставленные на каждой стороне товары, – жители Эрчестера и Хейхолта смешивались с теми, кто приехал из дальних поместий, и снова расходились на широком центральном ряду, который растянулся на две лиги от ворот Нирулаг до площади Сражений на дальней окраине города. Оказавшийся в толпе, Саймон почувствовал, как поднимается его настроение. Какое ему дело до пьяного священника? В конце концов, сегодня рыночный день!

Обычная армия торговцев и разносчиков с пронзительными голосами, разбавленная глазевающими по сторонам провинциалами, ворами и музыкантами, сегодня увеличилась из-за большого количества солдат, отправленных с многочисленными поручениями, связанными с умирающим королем. Риммеры, эрнистирийцы, жители Варинстена или Пердруина привлекали внимание любопытного Саймона самодовольными манерами и яркой одеждой. Он шел за группой легионеров Наббана, в голубой с золотом форме, восхищаясь их важной походкой и чувством превосходства, и даже без знания языка понимал, как небрежно они потешались друг над другом.

Он постарался подобраться к ним поближе, чтобы разглядеть короткие острые мечи в ножнах, висевших высоко на поясе. Неожиданно один из них – солдат с блестящими глазами и тонкими темными усами – повернулся и заметил Саймона.

– Эй, братья! – с ухмылкой сказал он, схватив за руку одного из приятелей. – Вы только посмотрите! Юный воришка, могу спорить, он положил глаз на твой кошелек, Турис!

Оба принялись внимательно разглядывать Саймона, а потом коренастый легионер с темной бородой, которого звали Турис, прорычал:

– Даже не думай к нему прикасаться, или я тебя прикончу.

Он говорил на вестерлинге гораздо хуже своего товарища; к тому же у него явно отсутствовало чувство юмора. Трое других легионеров присоединились к первым двум. Через мгновение Саймон оказался полностью окружен, точно загнанная лисица.

– В чем дело, Джеллес? – спросил один из вновь прибывших. – *Хью фодж*? Он что-то украл?

– Нет, нет... – Джеллес рассмеялся. – Я лишь дразнил Туриса. Тощий парнишка ничего не сделал.

– У меня есть кошелек! – негодуя ответил Саймон, снял его с пояса и помахал перед лицами развеселившихся солдат. – Я не вор! Я живу в замке короля! *Вашего* короля! – Солдаты снова рассмеялись.

– Вы только его послушайте! – закричал Джеллес. – Нашего короля, так он говорит, какой дерзкий парнишка!

Саймон понял, что молодой легионер пьян. Его восхищение частично – но не полностью – исчезло и превратилось в презрение.

– Ладно, парни. – Джеллес пошевелил бровями. – *Малвейз ней сенит дренисенд*, так говорят, так что будем опасаться этого щенка и оставим его спать! – Легионеры вновь расхохотались.

Покрасневший Саймон вернул на место кошелек и повернулся, собираясь уйти.

– Прощай, мышка из замка! – насмешливо крикнул ему вслед другой солдат.

Саймон не стал оборачиваться и молча пошел прочь.

Он миновал одну из пирамид с огнем и выбрался из-под навесов Главной улицы, когда почувствовал, что ему на плечо легла рука. Саймон резко обернулся, полагая, что кто-то из солдат Наббана решил продолжить его оскорблять, но обнаружил, что смотрит на пухлого муж-

чину с обветренным розовым лицом. Незнакомец был в сером одеянии, а тонзура у него на голове выдавала странствующего монаха.

– Прошу прощения, юноша, – сказал он с характерным гремящим говором эрнистирийца, – я лишь хотел уточнить, все ли с тобой в порядке и не причинили ли тебе вреда эти дикие люди.

Незнакомец протянул руку и похлопал Саймона, словно проверял, все ли с ним в порядке. Его глаза с тяжелыми веками, окруженные многочисленными морщинами часто улыбающегося человека, тем не менее что-то скрывали: в них виделась глубокая тень, тревожная, но не пугающая. Саймон понял, что глазеет на монаха почти против воли, и поспешно отступил.

– Нет, благодарю вас, святой отец, – заговорил он, переходя на формальную речь. – Они просто посмеялись надо мной. Никакого вреда.

– Ну это хорошо, очень хорошо... Кстати, прошу меня простить, я не представился. Я брат Кадрах эк-Краннир, монах ордена Вилдеривана. – По его губам промелькнула быстрая самоуничижительная улыбка, и Саймон почувствовал, что от него пахнет вином. – Я прибыл с принцем Гвитинном и его людьми. А как зовут тебя?

– Саймон. Я живу в Хейхолте. – Он сделал неопределенный жест в сторону замка.

Монах снова улыбнулся, ничего не ответил, лишь повернулся, чтобы посмотреть на проходившего мимо хирка в ярких, кричащих одеждах, который вел на цепи медведя в наморднике. Когда парочка прошла мимо, Кадрах вновь обратил взгляд маленьких проницательных глаз на Саймона.

– Существует мнение, что хирка умеют говорить с животными, ты об этом слышал? В особенности со своими лошадьми. И животные их прекрасно понимают. – Монах с усмешкой пожал плечами, чтобы показать, что религиозный человек не может верить в такие глупости.

Саймон не ответил. Конечно, он слышал подобные истории про диких хирка. Конюх Шем клялся, что все они чистая правда. Хирка часто появлялись на рынке, где продавали по за пределами ценам красивых лошадей и сбивали с толку местных жителей трюками и головоломками. Задумавшись о них – а в особенности об их дурной репутации, – Саймон положил руку на кошелек и покрепче его сжал, чтобы убедиться, что все монетки на месте.

– Спасибо за помощь, святой отец, – наконец сказал Саймон, хотя и не помнил, чтобы монах сделал что-то полезное. – Мне пора. Я должен купить приправы.

Кадрах долго на него смотрел, словно пытался что-то вспомнить, обнаружить на лице Саймона какую-то подсказку.

– Я хочу попросить тебя об одолжении, юноша, – наконец заговорил монах.

– И о чем именно? – с подозрением поинтересовался Саймон.

– Как я уже говорил, я впервые в Эрчестере. Быть может, ты согласишься послужить некоторое время моим проводником? А потом сможешь заняться своими делами – после того, как совершишь хороший поступок.

– Вот вы о чем. – Саймон почувствовал облегчение.

Сначала он хотел отказаться – не так уж часто он мог провести часть дня на рынке, без сопровождения. Но когда еще он сможет поговорить с монахом-эйдонитом из языческого Эрнистира? Кроме того, брат Кадрах не походил на тех, кто станет запугивать историями о грехах и проклятии. Саймон снова оглядел монаха, однако его лицо сохраняло невозмутимое выражение.

– Ну наверное... я хотел сказать, конечно. Пойдемте... вам интересно посмотреть на танцоров на скаду на площади Сражений?

Кадрах оказался занятым спутником. Хотя он говорил свободно, рассказал Саймону о путешествии из Эрнисдарка в Эрчестер вместе с принцем Гвитинном, во время которого они отчаянно мерзли, часто шутил о прохожих и их разнообразных экзотических одеяниях, Кадрах

казался сдержанным, постоянно наблюдал за происходившим вокруг и смеялся собственным шуткам. Они с Саймоном довольно долго бродили по рынку, смотрели на столики с пирожками и сушеными овощами, расположившимися вдоль стен магазинчиков на Главной улице; принимались к теплым ароматам из пекарен и лавок, где продавали жареные каштаны.

Монах перехватил грустный взгляд Саймона и настоял на том, чтобы купить ему грубую корзинку из соломы с жареными орешками, и заплатил за нее медной монеткой, которую ловко выудил из кармана серой сутаны. После того как они обожгли пальцы и языки, пытаясь полакомиться тертой ореховой массой, им пришлось признать поражение – и ничего не оставалось, как стоять, ждать, когда орехи остынут, и наблюдать за комичной ссорой между продавцом вина и жонглером, загородившим вход в его заведение.

Затем они остановились посмотреть пьесу из жизни Усириса, которую актеры исполняли для толпы визжавших детей и восторженных взрослых. Куклы делали реверансы и кланялись, Усириса в белых одеяниях преследовал император Крексис с козлиными рогами и бородой, державший в руках длинную, зубренную пику. В конце концов Усириса поймали и повесили на Древе Казни; Крексис, кричавший пронзительным высоким голосом, прыгал вокруг и мучил прибитого гвоздями к дереву Спасителя. Возбужденные дети громко проклинали скакавшего императора.

Кадрах подтолкнул Саймона в бок.

– Видишь? – спросил он, наставив толстый палец на переднюю часть сцены кукольного театра.

Занавес, свисавший до земли, взвился вверх, словно подул сильный ветер.

Кадрах снова толкнул Саймона.

– Разве тебе не кажется, что это замечательное изображение нашего Господа? – спросил он, не отводя взгляда от колеблющейся ткани. На сцене отплясывал Крексис и страдал Усирис. – Пока человек играет свой спектакль, кукловод остается невидимым, мы узнаем Его не по внешности, а по тому, что делают куклы. Иногда занавес шевелится, и это скрывает Его от верных зрителей. Но мы благодарны даже за движение за занавесом – благодарны!

Саймон не сводил глаз со сцены; наконец Кадрах отвернулся от кукольного представления и посмотрел юноше в глаза. Странная печальная улыбка искривила уголок рта монаха, и для разнообразия его взгляд вполне соответствовал выражению лица.

– О мальчик, – сказал он, – что ты можешь знать о религиозных вопросах?

Они погуляли еще немного, прежде чем брат Кадрах распрощался с Саймоном, напоследок с жаром поблагодарив за гостеприимство. После того как монах ушел, Саймон еще долго продолжал бесцельно бродить по рынку, а когда клочки неба, которые он видел между натянутыми над головой навесами, стали темнеть, вспомнил о своем задании.

У прилавка продавца пряностей Саймон обнаружил, что его кошелек исчез.

Сердце у него в груди забилося быстрее в три раза, когда он в панике попытался сообразить, что с ним происходило. Он не сомневался, что кошелек висел у него на поясе, когда они с братом Кадрахом остановились, чтобы купить каштанов, но больше не удалось вспомнить ни одного момента, когда кошелек оставался у него. Так или иначе, но сейчас он исчез – и не только вместе с его собственной медной монеткой, но и с двумя пенни, выданными ему Джудит!

Саймон тщетно искал кошелек на рынке до тех пор, пока небо в просветах навесов не стало черным, точно старый чайник. Снег, который почти не ощущался прежде, стал холодным и мокрым, когда Саймон с пустыми руками вернулся в замок. Куда хуже взбучки – как Саймон обнаружил, когда явился без пряностей и денег – был разочарованный взгляд милой, толстой, вечно испачканной в муке Джудит. Рейчел также использовала свой самый несправедливый гамбит, наказав его лишь выражением, полным отвращения, и обещанием, что он

сотрет пальцы до костей, отрабатывая потерянные деньги. Даже Моргенес, к которому Саймон направился, частично надеясь на сочувствие, несколько удивился легкомыслию юноши. В целом, хотя ему и удалось избежать побоев, прежде он никогда не жалел себя так сильно.

Наступил и прошел темный и слякотный солдень, большую часть которого слуги Хейхолта провели в часовне, в молитвах за короля Джона – или гоняя Саймона. У него самого возникло неприятное зудящее чувство, заставлявшее пинать все, что попадалось под ноги – обычно ему удавалось от него избавиться рядом с Моргенесом или если он отправлялся на природу, чтобы что-нибудь изучить. Доктор, однако, был занят – он заперся вместе с Инчем и работал над чем-то большим и огнеопасным; и Саймон ему в ближайшее время только мешал бы.

Снаружи было так холодно и мрачно, что даже отвратительное настроение не смогло выгнать Саймона под открытое небо. В результате он весь день вместе с толстым учеником свечника Джеремией швырял камни с башенки Внутреннего двора под вялые рассуждения о рыбе в замковом рву: замерзнет она или нет, и если нет, то где будет прятаться до наступления весны.

Холод снаружи – и совсем другой холод в жилищах слуг – не исчез и в лундень, когда Саймон встал, чувствуя себя слабым и недовольным всем на свете. Моргенес также пребывал в мрачном и молчаливом настроении, поэтому, закончив работу в покоях доктора, Саймон стащил немного хлеба и сыра из кладовой, и ему ничего не оставалось, кроме как проводить время в одиночестве.

Некоторое время он слонялся возле Зала архивов, расположенного в Среднем дворе, прислушиваясь к сухим скребущим звукам, доносившимся со стороны комнаты писцов-священников, но через час у него возникло ощущение, что все они пишат на его коже, которая зудела все сильнее...

Саймон решил взять свой обед и взобраться по лестнице на Башню Зеленого Ангела, чего не делал с того самого момента, как изменилась погода. Учтывая, что церковный сторож Барнабас с такой же радостью изгнал бы его прочь, с какой отправился в Рай, Саймон решил обойти часовню по дороге в башню, выбрав свой собственный тайный маршрут на верхние этажи. Уложив еду в платок, который он аккуратно завязал, Саймон отправился в путь.

По дороге через бесконечные коридоры той части замка, где находились владения канцлера, Саймону пришлось постоянно переходить из крытых проходов в открытые дворики и вновь возвращаться под крышу – эта часть замка изобиловала множеством маленьких дворишков. Саймон суеверно избегал смотреть вверх, на башню. Удивительно стройная и бледная, она доминировала над юго-западным углом Хейхолта, точно береза в наскальном саду, невероятно высокая и изящная. С нижнего этажа казалось, будто она стоит на далеком склоне холма, на расстоянии многих и многих миль от стен замка. Снизу Саймон слышал, как она дрожит на ветру, словно струна лютни, туго натянутая на небесном колке.

Первые четыре этажа Башни Зеленого Ангела ничем не отличались от сотен других строений замка. Мастера из далекого прошлого, построившие Хейхолт, облицевали фундамент и внешние стены гранитом – по вполне разумным соображениям безопасности или из-за того, что сама башня казалась здесь совершенно чуждой, никто уже никогда не узнает. На уровне окружавшей двор стены гранит заканчивался, и, будто обнаженная, башня устремлялась вверх, прекрасный альбинос, сбежавший из своего скучного кокона. Балконы и окна, прорубленные прямо в блестящих стенах, располагались в случайном порядке, словно зубы кита, которые Саймон однажды видел на рынке. На остроконечной вершине возникала далекая вспышка медно-золотого и зеленого: Ангел, поднявший одну руку, словно прощаясь, другой защищал глаза от солнца, глядя на восток.

Эта огромная шумная часть замка сегодня сбивала с толку еще больше, чем обычно. Одетые в сутаны подчиненные отца Хелфсина сновали из одного помещения в другое или что-то обсуждали на холодном полном снежинок воздухе дворов. Некоторые из них, держа в руках свернутые в свитки бумаги, с рассеянными лицами пытались дать Саймону какое-то поручение в архивах, но он ссылаясь на то, что выполняет указания доктора Моргенеса.

В приемной тронного зала он остановился, делая вид, что восхищается огромной мозаикой, дожидаясь, когда последние священники отправятся в часовню. Выбрав подходящий момент, Саймон осторожно отворил дверь и проскользнул в тронный зал.

Заскрипели огромные петли, и наступила тишина. Звук шагов Саймона многократным эхом прокатился по залу, и снова стало тихо. Всякий раз, когда Саймон осмеливался сюда входить – а он это делал уже несколько лет, и, насколько ему было известно, лишь у него хватало смелости войти в тронный зал, – он испытывал трепет.

Только в прошлом месяце, после того как король Джон поднялся с постели, Рейчел и ее горничным наконец позволили переступить запретный порог; две недели продолжалась атака на собравшуюся здесь грязь и пыль, битое стекло, птичьи гнезда и следы пауков, давно отправившихся на встречу со своими предками. Но даже после тщательной уборки, мытья выложенного плитками пола и стен, а также чистки от пыли некоторых, но отнюдь не всех знамен, – несмотря на неустанную и тщательную уборку, в тронном зале по-прежнему царили абсолютная тишина и неподвижность. Время здесь застыло в далеком прошлом.

В дальнем конце огромного зала находился помост, погружившийся в озеро света, лившегося из фигурного окна в сводчатом потолке. На помосте стоял трон из костей дракона, похожий на диковинный алтарь, – пустой, окруженный блестящими, танцующими пылинками, а рядом, будто замерли, статуи шести королей Хейхолта.

Огромные, толще ног Саймона, кости трона отполировали так тщательно, что они смутно сияли в полумраке, точно старательно отшлифованный камень. За небольшими исключениями их разрезали и подогнали так, что, несмотря на немалые размеры, не удавалось угадать, какой части тела огромного огненного червя они принадлежали. Только спинку трона, громадный веер размером в семь локтей, сделанную из изогнутых желтых ребер, за бархатными подушками сиденья, возвышавшуюся над головой Саймона, можно было сразу узнать – ну и еще череп.

Череп и челюсти дракона Шуракаи располагались над огромным сиденьем и выдавались так далеко вперед, что вполне могли послужить навесом, если бы в затененный зал проникало больше, чем тонкий луч, солнечного света. Глазницы казались разбитыми черными окнами, зубы – изогнутыми клинками, длинными, как руки Саймона. Череп дракона имел цвет старого пергамента, по нему разбегалась паутина крошечных трещин, но он казался живым – ужасно и поразительно живым.

На самом деле тронный зал окутывала священная аура, уходившая далеко за пределы понимания Саймона. Трон из тяжелых пожелтевших костей, массивные черные фигуры, охранявшие его в высоких пустых покоях, – все, казалось, наполняла какая-то жуткая сила. Все восемь обитателей комнаты – поваренок, статуи и огромный безглазый череп – будто затаили дыхание.

Эти украденные мгновения наполняли Саймона тихим, исполненным благоговения восторгом. Быть может, малахитовые короли с черным каменным терпением ждали, чтобы мальчик коснулся нечестивой рукой простолюдина сиденья трона из костей дракона, ждали... ждали... и тогда с ужасным скрипучим звуком они оживут! Саймон содрогнулся от пугавшего его удовольствия от собственных мечтаний и осторожно шагнул вперед, вглядываясь в темные лица. Когда-то их хорошо все знали, их связывал вместе глупый детский стишок, стишок Рей-

чел – Рейчел? Так ли это? – которому она его научила, когда он был хихикающей обезьянкой четырех лет от роду. Способен ли он вспомнить его сейчас?

Если собственное детство казалось Саймону таким далеким, вдруг удивился он, каким оно должно представляться Престеру Джону – ведь с тех пор прошло несколько десятилетий? Наверное, безжалостно четко, как когда Саймон вспоминал свои прошлые унижения, или что-то мягкое и иллюзорное, вроде историй о славном прошлом? Когда ты стареешь, начинают ли мысли о прошлом прогонять сегодняшние? Или ты все утрачиваешь – детство, ненавистных врагов, друзей?

Как там пелось в старой песенке? Шестеро королей...

Шесть королей правили в просторных залах Хейхолта.

Шесть хозяев ходили по огромным каменным залам Хейхолта.

Шесть погребальных холмов на утесе над глубоким озером Кинслаг.

Шесть королей будут спать, пока не наступит Судный день.

Да, вот так!

Сначала Фингил, прозванный «Кровавый король», прилетевший с Севера на кровавых крыльях войны.

Хьелдин, его сын, «Безумный король», прыгнувший навстречу смерти с призрачного шпиля.

Следующий король Икфердиг, помощник Хьелдина, прозванный «Сожженный король», встретивший огненного дракона во мраке ночи.

Три северных короля, все они мертвы, и холод Севера больше не правит в высоком Хейхолте.

Это три короля-риммера, стоявших слева от трона. Кажется, Моргенес говорил о Фингиле как о вожде, возглавлявшем ужасную армию, убивавшую ситхи? Значит, с правой стороны пожелтевших костей выстроились остальные...

Сулис, прозванный «Король Цапля», бежавший из Наббана, но встретивший свою судьбу в Хейхолте.

«Святой король» Тестейн, вошедший во врата Хейхолта, но не вышедший наружу.

Последний, Эльстан Король-рыбак, самый знаменитый в песнях. Он пробудил дракона и умер в Хейхолте...

Ха! Саймон посмотрел на печальное, измученное лицо «Короля Цапли» и ощутил торжество. «Моя память лучше, чем думают многие – лучше, чем у большинства олухов!» Конечно, теперь в Хейхолте правит по меньшей мере седьмой король – старый Престер Джон. «Интересно, – подумал Саймон, – добавят ли когда-нибудь в песню короля Джона».

Шестую статую, ближайшую к правой стороне трона, Саймон любил больше остальных: это был единственный уроженец Эркинланда, занимавший трон Хейхолта. Он подошел ближе, чтобы заглянуть в глубокие глаза святого Эльстана – прозванного Эльстан Фискерн, потому что он являлся потомком рыбаков из Гленивента и получил имя Мученик, потому что его убил огненный дракон Шуракаи, которого прикончил Престер Джон.

В отличие от Сожженного короля, стоявшего по другую сторону трона, лицо Короля-рыбака не искажала гримаса страха или сомнений: скульптор придал его каменным чертам сияющую веру, а темные глаза создавали иллюзию, будто он видит что-то, находящееся очень

далеко. Давно умерший художник сделал Эльстана простым и уважительным, однако в нем присутствовала отвага. Втайне Саймон часто представлял, что его отец-рыбак выглядел так же.

Саймон продолжал смотреть на статую и неожиданно почувствовал холод, пронзивший его пальцы. Он прикоснулся к ручке костяного трона! Поваренок дотронулся до трона! Он тут же отдернул руку – как могли даже мертвые кости огненного зверя быть такими холодными? – и сделал быстрый шаг назад.

Сердце сжалось у него в груди, ему на миг вдруг показалось, что статуи наклоняются к нему, тени потянулись по завешенным гобеленами стенам, и он отскочил еще дальше. Но, убедившись, что все вокруг остается неподвижным, Саймон выпрямился, изо всех сил стараясь сохранять достоинство, поклонился королям и трону и, пятась, отступил к двери. Затем он принялся нащупывать ручку – спокойно, *спокойно*, подумал он, *не будь трусливым глупцом*, – наконец нашел дверь в прихожую, куда и направлялся. Бросив осторожный взгляд назад и еще раз проверив, все ли на своих местах, выскользнул из тронного зала.

В соседнем помещении, за тяжелым гобеленом из толстого красного бархата с вышитыми на нем сценами фестиваля, начиналась лестница, ведущая к уборной, находившейся наверху южной галереи, над тронным залом. Отругав себя за колебания, Саймон начал быстро по ней подниматься. Там он без особых усилий смог протиснуться в длинное узкое окно и оказался на расположенной под ним стене. Однако теперь этот трюк оказался более сложным, чем когда он проделывал его в прошлый раз, в септандер: камень стал скользким из-за снега, к тому же дул довольно сильный ветер. К счастью, нижняя стена была довольно широкой, и Саймон сумел осторожно по ней пройти.

И оказался на участке, который нравился ему больше всего. Угол стены выступал всего на пять или шесть футов от широкой подветренной стороны башенки четвертого этажа Башни Зеленого Ангела. Саймон остановился, он уже почти слышал зов труб, бряцание оружия и доспехов сражавшихся на палубе внизу рыцарей, когда собирался прыгнуть сквозь яростный ветер от одной мачты к другой...

То ли нога у него в последний момент соскользнула, то ли он отвлекся на воображаемое морское сражение, но приземлился Саймон неудачно – на край башенки, колено попало в громадную трещину в камне, и он едва не соскользнул вниз и в сторону на пару морских саженей, на нижнюю стену основания башни или прямо в ров. Тут только он сообразил, какой опасности подвергается, и сердце у него отправилось в отчаянный галоп. Однако ему удалось забраться в промежуток между зубцами башенки, а оттуда сползти на пол из длинных досок.

Пока он сидел, чувствуя себя ужасно глупым и обнимая пульсировавшее от боли колено, начался легкий снегопад. Оно мучило его, как грех, предательство и измена; если бы Саймон не понимал, как по-детски глупо себя вел, он бы расплакался.

Наконец он поднялся на ноги и, прихрамывая, вошел в башню. Ну хоть в одном ему повезло: никто не услышал, как он упал. У его унижения не было свидетелей. Он ощупал карман – хлеб и сыр сплющились, но остались съедобными. Пусть и небольшое, но утешение.

Идти по лестнице с больным коленом было тяжело, но не мог же он вернуться обратно после того, как сумел добраться до Башни Зеленого Ангела, самого высокого сооружения в Эркинланде – вероятно, во всем Светлом Арде, – не поднявшись выше главных стен Хейхолта.

Лестница башни, невысокая и узкая, со ступеньками, сделанными из чистого гладкого камня белого цвета, отличалась от любых других в замке, и, хотя оставалась скользкой, Саймон уверенно шагал вверх. Обитатели замка говорили, что эта башня – единственная часть исходной крепости ситхи, оставшаяся неизменной. Доктор Моргенес однажды сказал Саймону, что это неправда. Следовало ли из слов доктора, что башню перестроили или остальные части Асу'а не изменились, Моргенес – в своем обычном выводившем Саймона из себя стиле – объяснить отказывался.

Саймон поднимался уже несколько минут и видел в окно все, что находилось выше Башни Хьелдина. Немного жутковатая куполообразная колонна, где давным-давно Безумный король встретил свою смерть, глядя вверх на Зеленого Ангела с открытого пространства крыши тронного зала, так завистливый карлик мог смотреть на своего принца, когда никто не обращал на него внимания.

Камень, которым была облицована внутренняя часть лестничного колодца, здесь заметно отличался: на фоне мягкого желто-коричневого цвета шли странные голубые линии. Саймон оторвал взгляд от Башни Хьелдина и на мгновение остановился в том месте, где свет из высокого окна падал на стену, но когда он попытался проследить за одной из линий, у него закружилась голова и он сдался.

Наконец, когда у него появилось ощущение, что он поднимается уже несколько часов, лестничный колодец вывел его на блестящий белый пол колокольной башни, которую также построили из необычного камня. Хотя башня тянулась вверх еще почти на сотню локтей, сходясь на конус к самому Ангелу, примостившемуся на облачном горизонте, ступеньки здесь заканчивались, и огромные бронзовые колокола, ряд за рядом, свисали со сводчатых стропил, словно церемониальные зеленые плоды. Тут гулял ветер, а воздух был очень холодным, и звон колоколов Зеленого Ангела вырывался из высоких арочных окон так, что их слышала вся округа.

Саймон стоял спиной к одной из шести шедших от пола до потолка колонн из темного, гладкого и прочного, как камень, дерева. Он жевал краюху хлеба и смотрел на запад, где воды Кинслага неустанно набегали на массивную морскую стену Хейхолта. И, хотя день выдался темным, а снежинки исполняли свой безумный танец, Саймона удивила четкость, с которой он видел раскинувшийся перед ним мир. На волнах Кинслага покачивалось множество маленьких лодок, озерные люди в черных плащах невозмутимо склонялись над веслами.

А еще дальше, как показалось Саймону, он смутно различил место, где река Гленивент вытекала из озера и начинала свое долгое путешествие к океану – извивавшийся маршрут длинной в полсотни миль мимо портовых городов и ферм. Там, где заканчивался Гленивент, уже в руках самого моря, остров Варинстен наблюдал за устьем реки; а к западу, за Варинстеном, открывались лишь нескончаемые и неизменные лиги океана.

Саймон проверил больное колено и решил, что не станет садиться, из чего неизбежно следовало, что ему придется снова встать. Он поплотнее надвинул шапку на уши, которые покраснели и стали побаливать на ветру, и принялся за кусочек сыра. Справа, далеко за пределами того, что он видел, раскинулись луга и холмы Ак-Самрата, дальней границы королевства Эрнистир, места той ужасной битвы, описанной Моргенесом. Слева, на другом берегу громадного озера Кинслаг, находились, казалось, бесконечные луга тритингов. Впрочем, в конце концов они заканчивались, и за ними начинался Наббан, потом залив Фираннос с островами, а дальше – болотистая страна враннов... множество мест, которые Саймон никогда не видел и, скорее всего, не увидит.

Вскоре ему наскучило смотреть на будто застывший Кинслаг и представлять картины недоступного юга, и он, хромя, перебрался на другую сторону колокольни. Если встать посередине, откуда детали земной поверхности оставались невидимыми, вращавшаяся невыразительная темная масса туч превращалась в серую дыру в пустоте, а башня мгновенно становилась призрачным кораблем, дрейфовавшим в пустом туманном море. Вокруг открытых окон завывал и пел ветер, и колокола негромко гудели, словно буря загнала маленьких напуганных призраков под их бронзовую кожу.

Саймон потянулся к низкому подоконнику и выглянул наружу, чтобы посмотреть на безумную толпу крыш Хейхолта внизу. Сначала ветер дергал его за одежду, будто пытался схватить и швырнуть, как котенка, играющего с сухим листком. Саймон сильнее сжал влажный камень, и вскоре ветер стих. Он улыбнулся: с такой высоты великолепное лоскутное одеяло

крыш Хейхолта – разной высоты и вида, каждая с лесом дымовых труб, конусов и куполов – выглядело точно двор, полный необычных квадратных животных. Они растянулись на мили вокруг, соединяясь друг с другом и сражаясь за свободное пространство, как боровы за пищу.

Только две башни были выше купола часовни, которая доминировала во Внутреннем дворе. Сейчас ее разноцветные окна залепил мокрый снег. Другие строения цитадели, личные покои, столовый и тронный залы и крыло, принадлежавшее канцлеру, в каждом из которых что-то перестраивали, являлись безмолвным свидетельством различных характеров обитателей замка. В двух внешних дворах и на массивной наружной стене, окружавшей холм, также было тесно. Хейхолт никогда не выходил за внешнюю стену; люди строили вверх или делили уже готовые помещения на несколько, меньших размеров.

За цитаделью раскинулся город Эрчестер, одна легкомысленная улица с невысокими домами следовала за другой, все они были покрыты белой снежной мантией, и лишь собор вздымался над окружающими его домами, но и он пасовал перед Хейхолтом и Саймоном на самой высокой башне цитадели. Тут и там в воздухе металась снежинка, которые тут же уносили ветер.

За городскими стенами Саймон разглядел смутные, скрытые снегом очертания старого языческого кладбища, пользовавшегося дурной репутацией. За ним начинались песчаные холмы, доходившие до границы леса; над их скромным скоплением возвышалась гора Тистерборг, так же эффектно, как собор над низкими домиками Эрчестера. Саймон их не видел, но знал, что Тистерборг окружало кольцо отполированных ветром скальных колонн, которые местные жители называли Камнями Гнева.

А за Эрчестером, холмами и окруженным каменными колоннами Тистерборгом находился Лес. Альдхорт, так его называли – Древнее Сердце, – он раскинулся, точно море, огромный, темный и непостижимый. Люди жили у его границ, даже проложили вдоль них несколько дорог, но лишь немногие рисковали далеко туда заходить. То была огромная тенистая страна посреди Светлого Арда; она не отправляла посольств и не принимала гостей. На фоне его величия даже огромный Сиркойл, Комбвуд в Эрнистире на западе, походил на рошу. Существовал только один Лес.

Море на западе и Лес на востоке; север с его железными людьми и земля погибших империй на юге... глядя на раскинувшийся перед ним Светлый Ард, Саймон на время забыл о боли в колене. Он стал королем всего известного мира.

Когда скрытое пеленой зимнее солнце прошло зенит, Саймон собрался возвращаться, он выпрямил ногу, и у него вырвался стон: колено одеревенело за долгий час, проведенный в неподвижности. Саймон понимал, что в таком состоянии ему не удастся повторить тайный, трудный и долгий путь обратно. Что ж, придется рискнуть – в худшем случае ему придется встретиться с Барнабасом или отцом Дреосаном.

Длинная лестница стала источником жутких страданий, но вид из башни заставил его отбросить мысли о боли; он не так сильно жалел себя, как стали бы многие другие, окажись они на его месте. Желание увидеть окружающий мир горело в нем постоянным огнем, согревая до самых кончиков пальцев. Он решил попросить Моргенеса побольше рассказать ему про Наббан и Южные острова, а также про Шестерых королей.

На четвертом этаже – именно здесь он пробрался в башню – Саймон услышал, как кто-то быстро спускается по лестнице. Мгновение он стоял неподвижно, размышляя, мог ли кто-то его обнаружить, пребывание в башне не являлось запретным, но у Саймона не было никаких причин тут находиться, и он точно знал, что церковный сторож будет очень недоволен, если обнаружит его тут. Однако Саймона удивило, что звук шагов удалялся. Он не сомневался, что Барнабас или кто-то другой без колебаний поднялся бы наверх, чтобы застать его на месте преступления, отвести вниз и как следует надрать уши.

Саймон продолжал спускаться по винтовой лестнице, сначала он двигался осторожно, но потом, несмотря на пульсировавшую в колене боль, все быстрее и быстрее – им овладело любопытство.

Наконец лестница закончилась, и он оказался в огромном зале перед входом в башню. Освещение здесь было совсем слабым, стены окутывали тени, потускневшие гобелены украшали изображения каких-то религиозных сцен, смысла которых Саймон не понимал. Он остановился на последней ступеньке, все еще оставаясь в темноте, царившей на лестнице. Звук шагов исчез, как и любой другой шум. Саймон пошел дальше, стараясь шагать бесшумно по неровному полу, но каждый шорох эхом отражался от обшитых дубом потолков. Главная дверь в зал оказалась закрытой, и единственным источником света являлись окна над притолокой.

Как мог тот, кто спускался по лестнице, открыть и закрыть гигантскую дверь так, что Саймон этого не понял? Он определенно слышал легкие шаги и сам беспокоился из-за скрипа, который неизбежно издадут большие петли. Он снова обернулся, чтобы внимательно осмотреть зал.

Там. Из-под края старого, в пятнах грязи серебристого гобелена, висевшего у лестницы, выглядывали два круглых предмета – туфли. Теперь, когда Саймон присмотрелся, он понял, что за портьерами кто-то спрятался.

Балансируя на одной ноге, как цапля, Саймон сначала снял один сапог, потом другой. Кто это мог быть? Возможно, толстый Джеремиа за ним следил, чтобы потом поиздеваться? Ну если так, он ему сейчас устроит.

Босые ноги ступали по каменному полу почти бесшумно, и очень скоро Саймон оказался напротив подозрительного выступа за гобеленом. Протянув руку к его краю, Саймон вдруг вспомнил странные слова брата Кадраха о занавесях, которые тот произнес, когда они смотрели кукольное представление. Саймон колебался, но потом почувствовал стыд из-за своей робости и резким движением отдернул гобелен в сторону.

Однако вместо того, чтобы открыть шпиона, массивная ткань оторвалась и рухнула вниз, точно чудовищное толстое одеяло. Саймон успел заметить маленькое удивленное лицо, но тяжелая ткань сбила его с ног, и, пока он лежал, ругался и пытался выбраться на свободу, мимо пробежал кто-то маленький, одетый во все коричневое.

Саймон слышал, что кто-то возится с дверью, пока он безуспешно барахтался под тяжелой пыльной тканью. Наконец он освободился, вскочил на ноги и побежал, чтобы опередить маленькую фигурку, пытавшуюся проскочить в приоткрытую дверь. Саймону удалось ухватить шпиона за грубую куртку в самый последний момент – он почти сумел сбежать.

Саймоном овладел гнев – главным образом из-за смущения.

– Ты кто такой? – прорычал он. – И почему тут шпионишь?

Пленник молчал, но стал сопротивляться еще сильнее. Однако он был недостаточно большим, чтобы вырваться из рук Саймона.

Стараясь втащить свою сопротивляющуюся добычу обратно – что оказалось совсем не легким делом, – Саймон с удивлением узнал песочного цвета ткань, которую сжимал в руках. Должно быть, это тот самый юноша, шпионивший у двери часовни! Саймон дернул еще сильнее, в результате голова и плечо юноши оказались перед ним и у него появилась возможность его рассмотреть.

Пленник был маленьким, с черными, как вороново крыло, волосами и правильными чертами лица, хотя нос и подбородок чем-то неуловимо напоминали лису. На миг Саймону показалось, что он поймал ситхи, на эту мысль его навел рост шпиона – и он вспомнил истории Шема о том, что нельзя отпускать ногу покаса, и тогда можно получить горшок с золотом, – но мысли о сокровищах исчезли, как только он увидел потные, красные от страха щеки и решил, что перед ним самый обычный человек.

– Ну и как тебя зовут? – потребовал ответа Саймон. Пойманный юноша вновь попытался вырваться, но его силы были на исходе. В следующий момент он прекратил сопротивление. – Твое имя? – повторил Саймон немного мягче.

– Малахия. – Юноша, который все еще тяжело дышал, отвернулся.

– Ну Малахия, и почему ты за мной следил? – Саймон слегка встряхнул юношу, чтобы напомнить, кто его поймал.

Малахия повернулся и бросил на Саймона угрюмый взгляд, и тот заметил, что у него карие глаза.

– Я за тобой не следил!

Когда мальчишка снова отвернулся, у Саймона возникло ощущение, что он уловил нечто знакомое и узнаваемое в лице Малахии.

– Ну, и кто ты такой, любезный? – спросил Саймон и протянул руку, чтобы повернуть его подбородок к себе. – Ты работаешь на конюшнях или где-то еще в Хейхолте?

Но прежде чем Саймон успел повернуть Малахию к себе, тот неожиданно толкнул его двумя руками в грудь – неожиданно сильно, Саймон выпустил куртку, потерял равновесие и сел на пол. И не успел он снова вскочить на ноги, как Малахия юркнул в дверь и захлопнул ее за собой под громкий визг бронзовых петель.

Саймон остался сидеть на каменном полу – больное колено, ушибленный зад и смертельная рана достоинству мешали ему подняться, – именно в этот момент к нему подошел церковный сторож Барнабас, чтобы выяснить причину шума, и с удивлением остановился, увидев сидевшего на полу босого Саймона и валявшийся неподалеку сорванный гобелен. Барнабас не сводил взгляда с Саймона, на висках у него начала пульсировать жилка, на лбу появились новые морщины, и глаза превратились в щелки.

А пойманный врасплох Саймон мог лишь сидеть и трясти головой, как пьяница, споткнувшийся о собственный кувшин с вином и упавший на кошку лорд-мэра.

Глава 6

Пирамида в скалах

#

Наказанием Саймону за последние преступления стала приостановка обучения у доктора Моргенеса и заключение в крыле для слуг.

В течение нескольких дней он бродил по своей новой темнице, от помещения для мытья посуды до кладовой, где хранилось постельное белье, точно неугомонная и мрачная пустельга.

«Я сам виноват, – иногда думал он. – Дракониша права, я настоящий Олух».

«Почему все устраивают мне бесконечные неприятности? – возмущался он в другие моменты. – Теперь они думают, что я дикое животное, которому нельзя доверять».

Рейчел, пытаясь смягчить наказание, придумала для него серию мелких поручений, которые он мог выполнять; теперь дни тянулись не так медленно, но для Саймона это стало лишь новым подтверждением того, что он навечно останется тягловой лошадкой, будет постоянно что-то приносить или таскать тяжести, пока не станет настолько старым, что не сможет больше работать, и тогда его отведут подальше и прикончат старой колотушкой Шема.

Между тем подходили к концу дни новандера, и декандер подкрался, словно ловкий воришка.

В конце второй недели нового месяца Саймону вернули свободу – но с определенными ограничениями. Ему запретили появляться в Башне Зеленого Ангела и в других любимых им местах; позволили возобновить обучение у доктора, однако давали дополнительные дневные поручения, и ему приходилось возвращаться в обеденное время в крыло для слуг. Но даже короткие визиты к доктору Моргенесу заметно улучшили жизнь Саймона. Более того, складывалось впечатление, что Моргенес с каждым днем все больше на него рассчитывал. Доктор многому его учил, объяснял, как использовать разные предметы, находившиеся в мастерской.

Кроме того, Саймон с огромным трудом учился читать. Это оказалось несравнимо сложнее, чем подметать пол или мыть перегонные кубы и стаканы, но Моргенес направлял его твердой рукой, повторяя, что без знания букв Саймон никогда не станет для него полезным учеником.

В День святого Таната, двадцать первого декандера, в Хейхолте кипела жизнь. День святого был последним праздником перед Эйдонмансой, и служанкам предстояло подготовить грандиозный пир, расставить повсюду веточки омелы и сотни белых свечей из пчелиного воска – их следовало зажечь на закате, и, когда пламя появится в каждом окне, призвать странствующего святого Таната из зимней темноты, чтобы он благословил замок и его обитателей. Другие слуги заполняли смолистыми дровами камин или разбрасывали свежий тростник на полах.

Саймона, который весь день старался не привлекать к себе внимания, тем не менее обнаружили и отправили к доктору Моргенесу с заданием, выяснить, не осталось ли у него масла для полировки поверхностей – армия Рейчел истратила все запасы, чтобы навести блеск на Большом столе, а в Главном зале работа еще только началась.

Саймон, который провел все утро в покоях доктора Моргенеса, читая вслух скучнейшую книгу «Совранские зелья целителей Вранна», тем не менее, предпочитал любое общение с Моргенесом ужасам стального взгляда Рейчел и почти вылетел из Главного зала во Внутренний двор под Башней Зеленого Ангела. Через несколько секунд он уже пересекал по мосту ров,

словно ястреб с перчатки охотника, и очень скоро во второй раз за день оказался в покоях доктора.

Доктор не сразу ответил на его стук в дверь, но Саймон слышал внутри голоса. Он ждал терпеливо, насколько мог, отдирая длинные щепки от потрескавшегося дверного косяка, пока не появился Моргенес, который видел Саймона совсем недавно, но никак не прокомментировал его новое появление. Моргенес выглядел рассеянным, когда впустил юношу внутрь; Саймон почувствовал его необычное настроение и молча последовал за ним по освещенному коридору.

Тяжелые шторы скрывали окна, и сначала, пока его глаза привыкали к полумраку, Саймон не увидел никаких посетителей, но вскоре заметил смутные очертания человека, сидевшего возле большого матросского сундука в углу. Мужчина в сером плаще смотрел в пол, лицо гостя оставалось скрытым, но Саймон его узнал.

– Простите меня, принц Джошуа, – сказал Моргенес, – это Саймон, мой новый ученик.

Джошуа Однорукий поднял голову, и его бледные глаза – голубые... или серые? – равнодушно скользнули по Саймону, так торговец хирка мог посмотреть на лошадь, которую не собирался покупать. После короткой паузы внимание Джошуа полностью переключилось на Моргенеса, словно Саймон прекратил свое существование и навсегда исчез. Доктор жестом предложил Саймону отойти в дальний конец комнаты и подождать.

– Ваше высочество, – сказал Моргенес принцу, – боюсь, больше я ничего не могу сделать. Мое искусство целителя и аптекаря исчерпано. – Старик нервно потер руки. – Простите меня. Вы знаете, что я люблю короля и мне больно видеть его страдания, но... есть вещи, в которые не стоит вмешиваться таким, как я, – слишком много возможностей и непредсказуемых последствий. И среди них – передача королевства в другие руки.

Затем Моргенес, которого Саймон никогда прежде не видел в таком настроении, достал какой-то предмет на золотой цепочке из-под своего одеяния и принялся возбужденно вертеть его в руках. Насколько Саймон знал, доктор, любивший посмеиваться над притворством и теми, кто выставляет напоказ свое богатство, никогда не носил драгоценности.

– Видит бог, я не прошу тебя вмешиваться в вопросы наследования трона! – тихий голос Джошуа был напряженным, как натянутая струна.

Саймона невероятно смущало, что он присутствует при таком разговоре, но ему ничего не оставалось, как стоять в стороне и стараться не привлекать к себе внимание.

– Я не прошу тебя «вмешиваться», Моргенес, – продолжал Джошуа, – дай мне лишь то, что поможет облегчить старику последние мгновения жизни. Умрет он завтра или через год, Элиас все равно будет Верховным королем, а я останусь правителем Наглимунда. – Принц покачал головой. – В любом случае вспомни о долгой связи между вами – ведь ты был целителем отца, изучал и записывал все обстоятельства его жизни несколько десятков лет! – Джошуа указал на письменный стол Моргенеса, заваленный множеством страниц из книг.

«Он пишет о жизни короля?» – удивленно подумал Саймон. Он впервые об этом услышал. Да уж, сегодня утром доктор полон тайн.

– Неужели в тебе нет жалости? – не сдавался Джошуа. – Он подобен стареющему льву, который оказался в безвыходном положении, могучий зверь, окруженный шакалами! Милосердный Усирис, как же нечестно...

– Но, ваше высочество... – с горечью начал Моргенес, когда все трое услышали топот и крики во дворе за окнами.

Джошуа заметно побледнел, его глаза лихорадочно заблестели, он вскочил на ноги и мгновенно обнажил меч – казалось, клинок сам оказался в его левой руке. Тут же раздался громкий стук в дверь, и Саймон почувствовал, как сердце быстрее забилось у него в груди – очевидный страх Джошуа оказался заразительным.

– Принц Джошуа! Принц Джошуа! – позвал кто-то.

Джошуа быстро вернул меч в ножны и поспешил мимо Моргенеса к двери, которая вела в коридор, распахнул ее, и Саймон увидел на крыльце четырех человек. Трое были в серых цветах принца, а четвертый, опустившийся пред принцем на одно колено, в сияющих белых одеяниях и сандалиях. Словно во сне, Саймон узнал в нем святого Таната, давно умершего персонажа бесчисленных религиозных сюжетов. Что это могло означать?...

– О ваше высочество... – сказал коленапреклоненный святой и смолк, чтобы перевести дыхание. Рот Саймона, который начал расползаться в улыбке, как только он понял, что это всего лишь солдат, переодетый в святого для сегодняшнего праздника, застыл, как только увидел выражение лица говорившего. – Ваше высочество... Джошуа, – повторил солдат.

– Что случилось, Деорнот? – резко спросил принц.

В его голосе чувствовалось напряжение.

Деорнот посмотрел вверх, его темные, коротко подстриженные волосы солдата окружало белое сияние капюшона. И в этот момент его глаза стали глазами мученика, отчаянными и мудрыми.

– Король. Повелитель, ваш отец... епископ Домитис сказал... что он мертв.

Джошуа безмолвно прошел мимо коленапреклоненного солдата и стремительно пересек двор, его солдаты старались не отставать. Через мгновение Деорнот поднялся с колен и последовал за ними, по-монашески сложив перед собой руки, словно дыхание трагедии превратило обман в реальность, а его в монаха. Распахнутая дверь вяло раскачивалась на холодном ветру, а когда Саймон повернулся к Моргенесу, он обнаружил, что доктор смотрит им вслед и его старые глаза наполнились слезами.

Итак, король Джон Престер наконец умер в День святого Таната, прожив очень долгую жизнь: его любили, им восхищались, он был частью жизни своего народа и самой земли. И, хотя его смерть давно ожидалась, скорбь разлетится по всем странам и коснется всех, кто там живет.

Некоторые из самых пожилых людей помнили, что в День святого Таната в 1083 году от Основания – ровно восемьдесят лет назад – Престер Джон, сразив дьявольского червя Шуракаи, вернулся с триумфом, промчавшись на своем скакуне в ворота Эрчестера. Когда эту историю пересказывали, не без некоторых преувеличений, головы мудро кивали. Помазанный Богом король – так говорили, – что стало очевидно после его великого подвига, теперь возвращался к груди Спасителя в день его годовщины. Иначе и не могло быть.

Середина зимы и Эйдонтайд были наполнены печалью, хотя люди стекались в Эрчестер и Высокий замок со всего Светлого Арда. Конечно, многие местные жители ворчали по поводу гостей, которые занимали лучшие места в церквях и тавернах. Другие негодовали из-за того, что чужестранцы подняли такой шум из-за смерти *их* короля: хотя он был властелином всех земель, для горожан Эрчестера Джон оставался простым хозяином цитадели. В молодости он любил появляться среди своего народа, и все видели его красивую фигуру, закованную в блестящие доспехи верхом на коне. И горожане, в особенности из бедной части, часто повторяли с гордостью собственников: «Наш старик возвращается в Хейхолт».

И вот его не стало, он больше не был доступен простым душам. Теперь старый король принадлежал историкам, поэтам и священникам.

На все сорок дней, которые должны были пройти между смертью и погребением короля, тело Джона перенесли в Зал Подготовки в Эрчестере, где священники омыли его редкими маслами, втерли в кожу ароматные растительные мази с южных островов, потом завернули от щиколоток до шеи в белое полотно и принялись произносить самые благочестивые молитвы.

Затем короля Джона облачили в простые одеяния, какие надевают молодые рыцари, отправляющиеся на исполнение первого обета, и положили в тронном зале на похоронные носилки, окруженные зажженными черными свечами.

Когда тело Престера Джона выставили для прощания, отец Хелфсин, канцлер короля, приказал зажечь огонь на Хэйфере, вершине горной крепости Вентмут, что делали только во время войны и важнейших событий. Лишь немногие из живущих ныне могли вспомнить, когда огонь горел на большой башне в предыдущий раз.

Хелфсин также приказал выкопать огромную яму в Свертклифе к востоку от Эрчестера, на мысу, выходявшем на Кинслаг, – на продуваемой ветрами вершине холма, где стояли шесть засыпанных снегом могильных курганов королей, владевших Хейхолтом до Джона. Для того чтобы копать промерзшую землю, стояла совсем неподходящая погода, но жители Свертклифа гордились своей работой и с радостью приняли боль от синяков, мозолей и холода. Прошла большая часть месяца джоневера, прежде чем яма была готова и ее накрыли тентом из красно-белой парусины.

Приготовления в Хейхолте были спланированы не так тщательно. Четыре кухни замка работали в огне и дыму, точно литейный цех, орда истекавших потом поваров готовила погребальную трапезу, мясо, хлеб и фестивальные вафли. Сенешаль Питер Золотая Чаша, маленький свирепый мужчина с желтыми волосами, словно ангел мщения, находился во всех местах сразу. Он с равной легкостью пробовал бульон, готовившийся в гигантских котлах, проверял пыль в трещинах Большого стола – однако на территории Рейчел у него не было ни одного шанса обнаружить беспорядок – и посылал проклятия вслед носившимся по замку слугам. Все сходились в одном: это был его звездный час.

На погребальную церемонию в Хейхолте собрались представители всех народов Светлого Арда. Скали Острый Нос из Кальдскрика, нелюбимый кузен герцога Изгримнура из Риммерсгарда, с десятком подозрительных родичей с длинными бородами. От трех кланов, вместе управлявших дикими Луговыми тритингами, приехали марк-таны правящих домов. Как ни странно, но кланы отбросили вражду и в виде исключения прибыли вместе – символ уважения к королю Джону. Более того, по слухам, как только новость о смерти Джона дошла до тритингов, вожди трех кланов встретились на границах, которые они так ревностно охраняли друг от друга, и с рыданиями всю ночь пили за душу Джона.

От Санцеллан Маистревиса, герцогского дворца в Наббане, герцог Леобардис прислал своего сына Бенигариса с колонной легионеров и почти сотней закованных в доспехи рыцарей. Когда они сошли на берег с трех военных кораблей, на каждом из которых были паруса с золотым символом Короля-рыбака, толпа на причале одобрительно заохала. Даже в адрес Бенигариса, появившегося верхом на высоком сером жеребце, раздались приветственные крики, но многие в толпе принялись перешептываться, что если это племянник Камариса, величайшего рыцаря эпохи короля Джона, тогда он больше отпрыск отцовского дерева, а не дядино. Камарис был могучим высоким мужчиной – во всяком случае, так говорили те, кому довелось его видеть, – а Бенигарис, если уж быть честным до конца, выглядел слишком толстым. Но прошло уже больше сорока лет с тех пор, как Камарис-са-Винитта пропал в море: многие более молодые люди подозревали, что старики и истории сильно преувеличили его рост.

Еще одна большая делегация прибыла из Наббана, лишь немногим менее военизированная, чем отряд Бенигариса: Ликтор Ранессин собственной персоной приплыл в Кинслаг на красивом белом корабле, на лазурном парусе которого сияло белое Дерево и золотая Колонна Матери Церкви. Толпа на причале, без особого энтузиазма приветствовавшая Бенигариса и его солдат, как будто люди смутно помнили времена, когда Наббан соперничал с Эркинландом за власть, встретила Ликтора громкими радостными криками. Собравшиеся на набережной зеваки устремились вперед, и только совместные усилия стражи короля и солдат Ликтора позволили их остановить; тем не менее два или три человека не удержались и свалились в холодное озеро, и их с трудом удалось спасти из ледяной воды.

– Все совсем не так, как я хотел, – прошептал Ликтор своему молодому помощнику отцу Динивану. – Ты только посмотри, какую безвкусную штуку они мне прислали. – Он указал на носилки, великолепное произведение искусства из резного вишневого дерева, украшенные бело-голубым шелком.

Отец Диниван, одетый в скромную черную сутану, только улыбнулся.

Ранессин, худошавый, красивый мужчина почти семидесяти лет, недовольно нахмурился, глядя на ожидавшие их носилки, потом мягко поманил к себе нервничавшего эркинландского офицера.

– Пожалуйста, уберите это, – попросил Ликтор. – Мы ценим заботу канцлера Хелфсина, но предпочитаем ходить рядом с обычными людьми.

Оскорбительно роскошные носилки поспешно унесли, и Ликтор направился к заполненной народом лестнице Кинслаг. Когда он сотворил знак Дерева – сложив большой палец и мизинец, как переплетенные ветви, и погладил их средними пальцами – кипевшая толпа раздалась в стороны, и образовался проход по огромным ступеням.

– Пожалуйста, не идите так быстро, господин, – сказал Диниван, проходя мимо многочисленных тянувшихся к ним рук. – Вы опережаете своих стражей.

– А почему ты думаешь... – На лице Ранессина промелькнула озорная улыбка, но ее успел заметить только Диниван, – что я к этому не стремлюсь?

Диниван тихонько выругался, но тут же пожалел о своей слабости. Ликтор опередил его на шаг, а толпа продолжала напирать. К счастью, подул ветер со стороны доков, и Ранессину пришлось сбавить шаг, придерживая свободной рукой шляпу, почти такую же высокую, тонкую и бледную, как Его Святейшество. Отец Диниван, увидев, что Ликтор начал слегка пошатываться на ветру, поспешил вперед. Догнав Ранессина, он сжал его локоть.

– Простите меня, господин, но эскритор Веллигис не простит мне, если я позволю вам упасть в озеро.

– Конечно, сын мой, – кивнул Ранессин, который направо и налево осеял всех знаком Дерева, продолжая подниматься по ступеням широкой длинной лестницы. – Я был неосторожен. Но ты же знаешь, как я не люблю ненужную роскошь.

– Но, Ликтор, – мягко возразил Диниван, в шутовском удивлении поднимая густые брови, – вы являетесь мирским голосом Усириса Эйдона. И вам не подобает взбегать по лестнице, как мальчику-семинаристу.

Диниван был разочарован, когда его слова вызвали лишь слабую улыбку Ликтора. Некоторое время они поднимались вместе, и молодой человек продолжал придерживать Ранессина под локоть.

«Бедный Диниван, – подумал Ранессин. – Он так старается соблюдать максимальную осторожность. Не могу сказать, что он обращается со мной – в конце концов, я являюсь Ликтором Матери Церкви – без достаточного уважения. Впрочем, так и есть, но только из-за того, что я ему позволяю – для моей же пользы. Но сегодня я пребываю в мрачном настроении, и ему это хорошо известно».

Конечно, причина заключалась в смерти Джона, но дело было не только в утрате доброго друга и прекрасного короля: его кончина влекла за собой изменения, а Церковь в лице Ликтора Ранессина не доверяла переменам. Конечно, еще и расставание – только в этом мире, жестко напомнил себе Ликтор – с человеком с добрым сердцем и намерениями, хотя Джон временами бывал слишком прямолинейным, претворяя в жизнь свои идеи.

Ранессин был многим обязан Джону, без влияния короля не обошлось, когда Освин из Стэншира начал свое восхождение к высшим должностям Церкви, а со временем стал Ликтором, чего не удавалось ни одному жителю Эркинланда за последние пять столетий. Да, короля Джона будет многим недоставать.

Однако Ранессин надеялся на Элиаса. Не вызвало сомнений, что принц был отважным, решительным и дерзким – подобные качества редко встречаются у сыновей великих людей. Впрочем, будущий король отличался несдержанностью и некоторым легкомыслием, но – *Дуосвалстей* – такие недостатки легко исправить, и они отступают перед ответственностью и хорошими советами.

Когда Ранессин добрался до верхней части лестницы и вышел вместе со своей уставшей свитой на Королевский променад, огибавший стены Эрчестера, Ликтор обещал себе, что отправит надежного советника в помощь новому королю – а также поручит ему приглядывать за благополучием Церкви – кого-то вроде Веллигиса или даже молодого Динивана... Впрочем, нет, он не расстанется с Диниваном. Так или иначе, он найдет того, кто сможет противостоять молодым, жаждущим крови дворянам Элиаса, а также жуткому идиоту епископу Домитису.

Первое фейервера, день, предшествовавший Празднику Элизии – День Леди, – выдался ярким, холодным и прозрачным. Солнце едва успело подняться над пиками далеких гор, когда собравшиеся на прощание люди начали неспешно и торжественно входить в часовню Хейхолта. Тело короля уже лежало перед алтарем на похоронных носилках, обернутых тканью с золотыми и черными шелковыми ленточками.

Саймон смотрел на дворян, облаченных в богатые темные одеяния, со смесью восторга и раздражения. Он забрался на пустые церковные хоры, расположенные прямо над кухней, не успев снять испачканную жиром рубашку, и даже сейчас, прячась в тени, стыдился своей бедной одежды.

«Я здесь единственный слуга, – подумал Саймон. – Единственный из всех, кто жил в замке вместе с нашим королем. Откуда взялись эти странные лорды и леди? Я узнаю лишь нескольких – герцога Изгримнура, двух принцев и некоторых других».

Здесь определенно было что-то не так: почему разодетые в шелка люди сидят внизу, а его, точно одеяло, окутывает кухонная вонь – но что все-таки не так? Следует ли слугам из замка находиться среди дворян? Или он сам напрасно осмелился вторгнуться в погребальную церемонию?

«А что, если король Джон за мной наблюдает? – Саймона вдруг отчаянно зазнобило. – Что, если он где-то здесь и все видит? Расскажет ли он Господу, что я проник сюда в грязной рубашке?»

Наконец в часовню вошел Ликтор Ранессин, одетый в парадное черно-серебристо-золотое одеяние. Его голову украшал венок из священных сийанских листьев, в руках он держал кадило и жезл, высеченный из черного оникса. По знаку Ликтора все опустили на колени, и он начал читать первые молитвы из *Мансасеакуэлоссан*: Мессы по умершему. По мере того как он произносил строчки на звучном наббанайском языке, совсем с небольшим акцентом, и окуривал благовониями тело мертвого короля, Саймону стало казаться, что на лице Престера Джона засиял свет и через мгновение он увидит, как уставший король со сверкающими глазами в первый раз после решающего сражения въезжает в ворота покоренного Хейхолта. Как же Саймону хотелось действительно взглянуть на него в тот момент!

Когда многочисленные молитвы были произнесены, все встали, чтобы спеть *Кансим феллис*; а Саймон удовлетворился тем, что беззвучно шевелил губами. Когда скорбящие сели, Ранессин снова заговорил, удивив всех отказом от наббанайского языка, – он перешел на простой вестерлинг, который Джон сделал языком своего королевства.

– Мы не забудем, – нараспев заговорил Ранессин, – что, когда последний гвоздь вошел в Дерево Казни и нашего Господа Усириса оставили на нем висеть, испытывая страшные мучения, благородная женщина из Наббана по имени Пелиппа, дочь могучего рыцаря, увидела Его, и ее сердце наполнилось состраданием к Его мучениям. И, когда спустился мрак Первой ночи, а Усирис Эйдон умирал в одиночестве – потому что Его учеников плетями изгнали со двора

храма, – она принесла ему воду, опустила свой богатый шарф в золотую чашу и поднесла к высохшим губам Усириса.

И пока он пил, Пелиппа рыдала, увидев боль Спасителя. Она сказала ему: «Бедняжка, что они с тобой сделали?» И Усирис ответил: «Ничего из того, для чего не рожден бедняк».

Пелиппа снова разрыдалась и сказала: «Ужасно уже то, что они убивают тебя за слова, но они унизили тебя, подвесив ногами вверх». И Усирис Спаситель проговорил: «Дочь моя, не имеет значения, как я вишу, головой вверх или наоборот, – я все равно гляжу в лицо Господа моего Отца».

И тогда, – Ликтор перевел взгляд на собравшихся, – ...то, что произнес наш Господь Усирис, мы можем повторить про нашего любимого короля Джона. Простые горожане уверены, что Джон Пресбитер не ушел, он остался, чтобы наблюдать за своим народом и Светлым Ардом. Книга Эйдона говорит, что прямо сейчас он поднимается в наш прекрасный Рай, где царят свет, музыка и голубые горы. Другие – наши братья, подданные Джона в Эрнистире – скажут, что он ушел, чтобы присоединиться к остальным героям на звездах. И не имеет значения, где именно он находится, тот, кто однажды был юным королем Джоном, взойдет ли он на престол в светлых горах или в звездных полях, мы знаем: он радостно смотрит в лицо Бога...

Ликтор закончил говорить, в глазах у него стояли слезы, и, когда прозвучали последние молитвы, все собравшиеся покинули часовню.

Саймон в благоговейном молчании смотрел, как одетые в черное личные слуги короля Джона, столпившись, словно жуки вокруг упавшей стрекозы, одевают его в королевские одежды и доспехи. Саймон знал, что ему следует уйти – это было хуже, чем просто шпионить; он находился на грани совершения святотатства – но не мог заставить себя пошевелиться. Страх и горе сменились странным чувством нереальности происходящего. Оно представлялось ему пышной процессией или пантомимой, участники которой быстро исполняли свои роли, словно их конечности замерзали, оттаивали и снова замерзали.

Слуги умершего короля надели на него бело-ледяные доспехи, засунули сложенные боевые перчатки за перевязь, оставив ноги босыми. Затем натянули небесно-голубую тунику на доспехи и набросили блестящий алый плащ на плечи, двигаясь медленно, точно жертвы лихорадки. Бороду и волосы короля заплели в боевые косы и возложили на лоб железный обруч, символ власти в Хейхолте. Наконец Ноа, старый оруженосец короля, достал железное кольцо Фингила, которое у него хранилось; тишину нарушили рыдания, Ноа плакал так горько, что Саймон удивился, как старому оруженосцу удалось надеть кольцо на белый палец короля.

Наконец жуки в черных одеяниях положили короля Джона обратно на погребальные носилки и, закутанного в золотую мантию, его в последний раз вынесли из замка, по трое мужчин с каждой стороны носилок. Следом шел Ноа с королевским шлемом, украшенным драконом.

Оставшийся в темноте церковных хоров Саймон наконец выдохнул – казалось, он не дышал целый час. Король покинул часовню.

Когда герцог Изгримнур увидел, что тело Престера Джона выносят из ворот Нирулаг и процессия придворных выстраивается за носилками, им овладело медленное, затуманивавшее сознание чувство, подобное сну, в котором человек тонет.

«Не будь таким ослом, старик, – сказал он себе. – Никто не живет вечно – хотя Джону и удалось сделать впечатляющую попытку».

Забавно, что даже в те моменты, когда они в разгар сражения стояли рядом и стрелы трингов с черным оперением пролетали мимо, точно молнии, посланные Удуном – проклятье, *самим* богом, – Изгримнур знал, что Джон Пресбитер умрет в своей постели. Видеть мужчину на войне равносильно тому, чтобы осознать, что он помазанник божий, неприкосновенный и

отдающий приказы, смеющийся над смертью, когда кровавый туман застит небо. «Будь Джон риммером, – мысленно улыбнулся Изгримнур, – его наверняка считали бы заговоренным. Но он мертв, и это очень трудно принять. Вы только взгляните на них, рыцарей и лордов... они тоже думали, что он будет жить вечно. И сейчас почти все из них напуганы».

Элиас и Ликтор встали сразу за похоронными носилками. Изгримнур, принц Джошуа и светловолосая принцесса Мириамель – единственный ребенок Элиаса – следовали за ними. Остальные аристократические семьи также заняли свои места, но сегодня обошлось без обычной толкотни. Когда тело короля понесли по Королевскому променаду в сторону мыса, простолоудины пристроились в конце процессии, и огромная толпа в благоговении притихла.

На помосте из длинных шестов у начала Королевского променада стояла королевская лодка «Морская стрела», в которой, как говорят, много лет назад Джон Пресбитер приплыл в Эркинланд с островов Вестерлинг. Это было небольшое судно, длиной не более пяти элей, герцог Изгримнур с удовольствием отметил, что деревянный корпус лодки заново покрыли лаком, и теперь он блестел под неярким солнцем фейервера.

«Боги, как же он любил эту лодку!» – вспомнил Изгримнур. Королевские обязанности оставляли ему совсем мало времени для моря, но герцог не забыл одну дикую ночь, более тридцати лет назад, когда Джон был в таком настроении, что не мог заняться ничем другим, они вместе с Изгримнуром – тогда еще совсем молодым – подняли паруса на «Морской стреле» и вышли в Кинслаг, где свирепствовал ветер, а ледяной воздух обжигал лицо и руки. Джон, ему тогда было почти семьдесят, радостно кричал и смеялся, когда высокие волны раскачивали и подбрасывали вверх «Морскую стрелу». Изгримнур, чьи предки сошли на берег гораздо раньше, мог лишь крепко вцепиться в планшир и молиться сразу старым богам и Единому новому.

А теперь королевские слуги и солдаты с величайшей осторожностью укладывали тело Джона на помост, специально построенный для похоронных носилок. Сорок королевских солдат-эркингардов подняли длинные шесты, положили их на плечи и понесли лодку вместе с платформой вперед.

Король и «Морская стрела» возглавляли огромную процессию, которой предстояло пройти половину лиги по мысу вдоль залива; наконец они подошли к Свертклифу и могиле. Тент сняли, и огромная дыра была подобна открытой ране подле торжественных круглых могильных курганов прежних хозяев Хейхолта.

По одну сторону ямы были сложены пласты дерна, гряда камней и бревна. «Морскую стрелу» опустили у дальней стороны могилы, где землю срезали так, что получился пологий склон. Когда лодку поставили, все благородные дома Эркинланда и слуги Хейхолта выстроились в ряд, чтобы положить на лодку или курган какой-нибудь маленький предмет, свидетельство любви. Каждая из земель под управлением Верховного Престола также прислала великолепные произведения искусства, чтобы Престер Джон забрал их с собой на Небеса – одеяние из драгоценного шелка с острова Пайса, что в Пердруине, белое порфириное дерево из Наббана. Изгримнур и его люди привезли из Элвритсхолла в Риммерсгарде серебряный топор работы двернингов с черенком, инкрустированным голубыми самоцветами. Дар Ллута, короля Эрнстира, приехавшего из Таига, находившегося в Эрнисдарке, длинное копьё из ясеня с золотым наконечником было украшено красным золотом.

Когда пришел черед герцога Изгримнура выйти вперед, он подумал, что полуденное солнце висит слишком высоко в небе, и, хотя оно без помех двигалось по серо-голубому куполу, оно перестало дарить людям тепло. Ветер задул сильнее, с воем пролетая над вершиной горы. Изгримнур держал в руке потрепанные черные боевые сапоги Джона. Он не нашел в себе мужества взглянуть на смотревшие на него белые лица, подобные пятнам белого снега в дремучем лесу.

Приблизившись к «Морской стреле», Изгримнур в последний раз посмотрел на короля. И, хотя он был бледнее груди голубки, Джон выглядел крепким и полным спящей жизни, и вдруг Изгримнур поймал себя на том, что тревожится о старом друге, который мог простудиться без одеяла на холодном ветру. На миг он едва не улыбнулся...

«Джон всегда говорил, что у меня сердце медведя и разум быка, – упрекнул себя Изгримнур. – И если ему холодно сейчас, то как же сильно он замерзнет, когда окажется в ледяной земле...»

Изгримнур осторожно двигался по пологому склону, периодически опираясь на него рукой и внимательно глядя под ноги. И, хотя у него отчаянно ныла спина, он знал, что никто даже не подозревает о его боли, впрочем, он был слишком стар, чтобы этим гордиться.

Он по очереди взял прочерченные голубыми венами ноги Джона Пресвитера и надел на них сапоги, безмолвно отдавая должное умелым рукам из Дома Приготовления за то, с какой легкостью ему удалось это сделать. Больше не глядя на лицо друга, Изгримнур быстро взял и поцеловал его руку, и вернулся на свое прежнее место, испытывая еще более странные чувства.

Внезапно ему показалось, что это вовсе не безжизненное тело его короля, которое сейчас будет предано земле, а душа, отлетевшая, как покинувшая кокон бабочка. Сила и гибкость конечностей Джона, хорошо знакомое лицо, погружившееся в размышления, – Изгримнур множество раз видел его таким, когда королю удавалось поспать час или два в разгар сражения, – все это вызывало у него ощущение, будто он бросает живого друга. Он знал, что Джон умер – держал руку короля, присутствовал, когда он сделал последний вздох, – и все же чувствовал себя предателем.

Изгримнур настолько погрузился в собственные мысли, что едва не наступил на ногу принцу Джошуа, который сумел ловко обогнать его на пути к кургану. Изгримнур с удивлением увидел в руках у Джошуа меч короля Джона Сияющий Коготь, завернутый в серую ткань.

«Что здесь происходит? – поразился Изгримнур. – Зачем ему меч?»

Когда герцог пробрался в первый ряд и повернулся, чтобы посмотреть, его недоумение усилилось: Джошуа положил Сияющий Коготь королю на грудь и соединил его ладони на рукояти.

«Безумие, – подумал герцог. – Меч предназначен для наследника короля – я знаю, что Джон хотел, чтобы им владел Элиас! И даже если Элиас решил похоронить клинок с отцом, почему он сам не положил его в могилу? Безумие! Неужели никого это не удивляет?»

Изгримнур огляделся по сторонам, но на лицах окружавших его людей увидел лишь скорбь.

Теперь вниз спустился Элиас и медленно прошел мимо младшего брата, словно участник величественного танца, – на самом деле так и происходило. Наследник трона наклонился над планширом лодки. Никто не видел, что он решил отправить вместе с отцом, но все заметили слезу на щеке Элиаса, когда он повернулся, глаза Джошуа были сухими.

Теперь осталось произнести одну молитву. Ранессин, одеяния которого развевались на дувшем со стороны озера ветру, окропил «Морскую стрелу» святым миро. Затем лодку осторожно спустили вниз по склону, солдаты в тишине работали длинными шестами, пока «Морская стрела» не оказалась на дне. Потом бревна поставили так, что они образовали высокую арку, и на нее начали складывать пласты дерна. Наконец сверху уложили камни, завершив сооружение могильного кургана, а погребальная процессия повернулась и медленно направилась вниз под шум волн Кинслага.

Поминальный пир в тот вечер в Большом зале замка не был торжественным собранием, скорее веселой встречей людей, хорошо знавших короля Джона. Конечно, король умер, но он прожил долгую жизнь – более продолжительную, чем у большинства людей, – к тому же

Престер Джон оставил богатое и мирное королевство, а также сильного сына, который будет им править.

В камине ярко пылал огонь, и высокое пламя отбрасывало диковинные танцующие тени на стены, когда взмокшие слуги разносили еду и напитки. Пирующие размахивали руками и выкрикивали тосты в честь ушедшего старого короля и в честь нового, которого коронуют утром. Замковые собаки, большие и маленькие, лаяли и дрались из-за костей, в изобилии летевших на солому, покрывавшую пол. Разбушевавшиеся гости кричали и поливали вином Саймона, которому поручили носить тяжелые кувшины от одного стола к другому. Он чувствовал себя так, словно оказался в шумном аду из проповедей отца Дреосана; кости валялись на столах, трещали под ногами, словно останки грешников, подвергшихся пыткам, потом их отбрасывали в сторону смеющихся демоны.

Еще не коронованный Элиас уже сейчас выглядел как король-воин. Он сидел за главным столом в окружении молодых лордов, которым благоволил: Гутвульф из Утаниата, Фенгболд, граф Фальшира, Брейагар из Вестфолда и другие – у всех на черных траурных одеяниях было что-то зеленое, цвет Элиаса, каждый старался произнести самый громкий тост и отличиться самой лучшей шуткой. Будущий король сидел во главе стола и награждал своих фаворитов, которые лезли вон из кожи, громким смехом. Время от времени он наклонялся, чтобы сказать что-то Скали из Кальдскрика, родственнику Изгримнура, который по специальному приглашению сидел за столом Элиаса. Крупный мужчина с ястребиным лицом и светлой бородой, Скали выглядел немного удивленным – очевидно, не ожидал оказаться рядом с наследным принцем, – ведь сам герцог Изгримнур не удостоился подобной чести. Однако какие-то слова Элиаса нашли у него отклик, Саймон заметил, что риммер улыбнулся, грубо захохотал и чокнулся стальным кубком с кубком принца. Элиас с волчьей ухмылкой повернулся, что-то прошептал Фенгболду, и тот присоединился к веселью.

А вот за столом, за которым вместе с Изгримнуром сидели принц Джошуа и его друзья, царило совсем другое настроение, под стать хмурому лицу Джошуа. Впрочем, остальные дворяне старались поддерживать разговор, однако Саймон видел, что герцог и принц в нем практически не участвуют. Джошуа смотрел в пространство, словно его заморозили висевшие на противоположной стене гобелены. Герцог Изгримнур также молчал, но мотивы его поведения сомнений не вызывали. Даже Саймон заметил, какие взгляды бросал старый герцог на Скали Острый Нос и как его огромные узловатые руки рассеянно дергали за край тунки из медвежьей шкуры.

Демонстративное пренебрежение Элиаса к одному из самых верных рыцарей умершего короля не прошло незамеченным за другими столами, впрочем, никто не решился это показать, хотя многих разочарование герцога развеселило. Они перешептывались, прикрывая рты руками, а приподнятые брови указывали на серьезность скандала.

Пока Саймон оставался на месте, ошеломленный шумом, дымом и собственными сбивавшими с толку наблюдениями, от заднего стола послышался голос, который его поносил и требовал вина, что заставило юношу вернуться к жизни.

Позднее, тем же вечером, когда Саймон наконец нашел возможность немного отдохнуть, укрывшись в алькове, под одним из гобеленов, он заметил, что за главным столом появился новый гость, который уселся на высоком стуле между Элиасом и Гутвульфом. Вновь прибывший был одет в совершенно неподходящий для похорон алый наряд с черно-золотой окантовкой по краям широких рукавов. Он наклонился вперед и что-то прошептал Элиасу на ухо, а Саймон не мог отвести от него зачарованного взгляда.

Незнакомец был совершенно лысым, у него отсутствовали брови и ресницы, но черты лица выдавали достаточно молодого человека. Кожа, туго натянутая на черепе, оставалась бледной даже в отблесках оранжевого пламени свечей; глубоко запавшие глаза были такими

темными, что казались блестящими черными точками, и Саймон их узнал – они взглянули на него из-под капюшона возницы, повозка которого едва не задавила его у ворот Нирулаг. Саймон вздрогнул, но продолжал смотреть на незнакомца в красном. В нем было что-то отвратительное и завораживающее, как в раскачивающейся змее, приготовившейся к нападению.

– Он выглядит отвратительно, не так ли? – раздался голос у его локтя.

Саймон подпрыгнул от удивления. Молодой темноволосый парень стоял рядом с ним в алькове, прижимая к серой тунике лютню из ясеня, и улыбался.

– Я... мне очень жаль, – пробормотал Саймон. – Вы застали меня врасплох.

– У меня не было таких намерений, – рассмеялся юноша, – просто хотел попросить помощи. – Он вытащил руку из-за спины и показал Саймону пустой кубок.

– О... – сказал Саймон. – Мне очень жаль... я отдышал, господин... я виноват...

– Мир, друг, мир, я не собираюсь устраивать тебе неприятности, но, если ты не перестанешь просить прощения, я буду огорчен. Как тебя зовут?

– Саймон, сэр. – Саймон поспешно наклонил кувшин и наполнил кубок.

Юноша поставил кубок в нишу, перехватил лютню поудобнее, вытащил из туники еще один кубок и с поклоном протянул Саймону.

– Вот, – сказал он, – я собирался его украсть, мастер Саймон, но теперь хочу, чтобы мы выпили за здоровье друг друга и в память старого короля, – и, пожалуйста, не называй меня «сэр», потому что я им не являюсь. – Он чокнулся кубком с кувшином Саймона, и тот налил в него еще вина. – Вот так! – сказал незнакомец. – Кстати, меня зовут Санфугол – или, как умудряется произносить мое имя старый Изgrimнур, «Зонг-вогол».

Великолепная имитация акцента риммеров вызвала мимолетную улыбку на лице Саймона. Быстро оглядевшись по сторонам – нет ли рядом Рейчел, – он поставил кувшин на пол и налил вина в кубок, который ему дал Санфугол. Красное вино показалось Саймону крепким и немного кисловатым, но оно пролилось в его пересохшее горло, как весенний дождь; когда Саймон опустил кубок, его улыбка стала шире.

– Так ты... из свиты герцога Изgrimнура? – спросил Саймон, вытирая губы рукавом.

– Свита! Подходящее слово для виночерпия! Нет, я арфист Джошуа. Я живу в его замке, на севере, в Наглимунде.

– Джошуа любит музыку?! – Эта мысль почему-то поразила Саймона. Он налил себе еще вина. – Он кажется таким серьезным.

– Он и в самом деле серьезный... но из этого не следует, что ему не нравится, когда играют на арфе или лютне. Честно говоря, он больше всего любит грустные песни, которые я исполняю, но случается, он просит спеть Балладу о трехногом Томе или что-то похожее.

Не успел Саймон задать следующий вопрос, как со стороны главного стола послышались радостные вопли. Саймон повернул голову и увидел, что Фенгболд перевернул графин с вином на колени соседа, который с пьяным видом выжимал свою рубашку, пока Элиас, Гутвульф и другие дворяне веселились и кричали. Лишь лысый незнакомец в алых одеяниях оставался спокойным, от его взгляда веяло холодом, оскаленные зубы таили угрозу.

– Кто это? – спросил Саймон, поворачиваясь к Санфуголу, который допил вино и поднес лютню к уху, тихонько перебирая струны и подкручивая колки. – Тот мужчина в красном.

– Да, – кивнул арфист. – Я заметил, как ты на него смотрел, когда он вошел. Он внушает страх, не так ли? Это Прайрат – священник из Наббана, один из советников Элиаса. Поговаривают, что он превосходный алхимик, хотя выглядит слишком молодым, верно? Не говоря уже о том, что подобные занятия считаются не слишком подходящими для священника. На самом деле, если ты проявишь чуть больше интереса, то услышишь, как про него шепчут, будто он колдун, точнее, черный маг. Ну если быть еще внимательнее...

В этот момент Санфугол перешел на драматический шепот, и Саймону пришлось наклониться к нему, чтобы слышать его слова. Тут только Саймон почувствовал, что слегка раскачивается, он умудрился выпить уже третий кубок вина.

– А если будешь слушать очень, очень внимательно... – продолжал арфист, – то узнаешь, что говорят, будто мать Прайрата была ведьмой, а отец... демоном! – Тут Санфугол тронул струну лютни, и Саймон подскочил на месте. – Но, Саймон, ты не должен верить всему, что слышишь – в особенности когда говорит пьяный менестрель, – со смехом закончил Санфугол, протягивая руку.

Саймон тупо на нее уставился.

– Пожми ее, друг мой, – усмехнулся арфист. – Я получил удовольствие, беседа с тобой, но, боюсь, должен вернуться к столу, где меня ждут другие развлечения. Прощай!

– Прощай... – Саймон схватил руку Санфугола, а потом долго смотрел вслед арфисту, который пробирался к своему столу с ловкостью опытного пьяницы.

Когда Санфугол занял свое место, взгляд Саймона остановился на двух молодых служанках, прислонившихся к стене в коридоре у дальней стороны зала, они обмахивались передниками и о чем-то разговаривали. Одной из них была новая девушка по имени Хепзиба, другую – Рибу – он знал давно.

Саймон чувствовал, что кровь у него разогрелась, и сейчас мог с легкостью к ним подойти и начать разговор. Было что-то в этой Хепзибе, какая-то дерзость в глазах, когда она смеялась... Чувствуя удивительную легкость, Саймон вошел в зал, и на него, словно прибой, обрушился говор множества голосов.

«Одну минутку, одну минутку. – Неожиданно он почувствовал, что краснеет, и на него накатил страх. – Ну разве я могу просто подойти к ним и заговорить – ведь они, наверное, заметили, что я за ними наблюдал? Не станут ли...»

– Эй, ленивый болван! Принеси еще вина!

Саймон повернулся и увидел краснолицего графа Фенгболда, сидевшего за королевским столом и махавшего ему кубком. Между тем девушки в коридоре отошли подальше. Саймон бегом вернулся в альков за кувшином, оттолкнув на ходу нескольких псов, сцепившихся из-за куска мяса. Один из щенков, совсем маленький и костлявый, с белым пятном на коричневой мордочке, жалобно скулил позади других собак, с которыми не мог конкурировать. Саймон отыскал кусок жирной кожи на пустом стуле и бросил щенку. Тот завилял коротким хвостиком, схватил угощение и пошел за Саймоном, когда тот понес кувшин с вином к королевскому столу.

Фенгболд и обладатель длинной челюсти Гутвульф, граф Утаниата, устроили состязание на силу рук, и их кинжалы были воткнуты в стол по обе стороны от кистей соперников. Саймон аккуратно обошел их и начал разливать вино из тяжелого кувшина в кубки вопивших зрителей, при этом стараясь не наступить на болтавшегося под ногами щенка. Король с довольным видом наблюдал за соревнованием, но за его плечом стоял паж, и Саймон не стал наливать вино в королевский кубок. Последним он наполнил кубок Прайрата, изо всех сил избегая взгляда священника, но не мог не обратить внимания на его странный запах, неопишемую смесь металла и слишком сладких специй. Отступив на шаг, Саймон заметил, что щенок роется в соломе рядом с блестящими черными сапогами священника, пытаясь отыскать там какое-то упавшее сокровище.

– Пойдем! – позвал Саймон, отступив еще на шаг и хлопнув по колену, но щенок не обращал на него внимания. Теперь в ход пошли сразу обе лапы, спина ткнулась в икру Прайрата, которую скрывала красная мантия. – Идем же! – снова прошептал Саймон.

Прайрат повернул голову, чтобы посмотреть вниз, и блестящий череп медленно наклонился на длинной шее. Потом Прайрат поднял ногу и опустил тяжелый сапог щенку на спину – быстрое, короткое движение за одно биение сердца. Раздался треск ломающихся костей и

приглушенный визг, маленькая собачка беспомощно извивалась на соломе, а Прайрат раздробил щенку череп каблуком.

Несколько мгновений священник равнодушно смотрел на маленькое тело, потом поднял голову, и его взгляд остановился на перекошенном от ужаса лице Саймона. Черные глаза Прайрата – беспощадные, равнодушные и мертвые – уставились на Саймона, потом метнулись к собачке, а, когда вернулись к Саймону, на лице священника появилась улыбка.

Ну и что ты сделаешь, мальчик? – говорила улыбка. – И кого это волнует?

Затем внимание священника вернулось к столу, а освобожденный Саймон уронил кувшин и побрел прочь, пытаясь сдержать рвоту.

Приближалась полночь, почти половина пировавших гостей, пошатываясь, удалилась, многих унесли в постель. Едва ли все они смогут присутствовать на завтрашней коронации. Саймон наливал в кубок пьяного гостя сильно разведенное водой вино, в этот поздний час ничего другого нельзя было получить у Питера Золотая Чаша, когда граф Фенгболд, единственный, кто остался из всей компании короля, покачиваясь, вошел в пиршественный зал. Одежда молодого дворянина находилась в полном беспорядке, штаны расстегнуты, на лице блуждала блаженная улыбка.

– Выходите все наружу! – закричал он. – Выходите прямо сейчас! Выходите посмотреть! – Его качнуло к входной двери.

Те, кто был в состоянии подняться на ноги, последовали за ним, отпихивая друг друга, обмениваясь шутками и распевая пьяные песни.

Фенгболд стоял посреди двора, свесив голову набок, черные волосы спадали на грязную тунуку, а он смотрел на небо. Он вытянул руку вверх, и лица вышедших за ним людей стали одно за другим подниматься.

На небе на фоне ночного мрака появилась странная полоса, похожая на глубокую рану, из которой била кровь: огромная красная комета пересекала небо с севера на юг.

– Бородатая звезда! – крикнул кто-то. – Знамение!

– Старый король умер, умер, умер! – взревел Фенгболд, размахивая кинжалом, словно вызывая звезды на поединок. – Да здравствует новый король! – продолжал вопить он. – Началась новая эра!

Со всех сторон слышались радостные восклицания, одни принялись топтать ногами и дико кричать. Другие пустились в пьяный бессмысленный танец, мужчины и женщины, держась за руки, кружились на месте. А над ними, словно тлеющий уголь, сияла красная звезда.

Саймон, вышедший за гостями наружу, чтобы выяснить причину переполоха, обернулся, слушая крики танцевавших людей, и с удивлением обнаружил доктора Моргенеса, стоявшего в тени у стены. Старик, закутавшийся в тяжелый плащ, чтобы не замерзнуть, не заметил своего ученика – он также смотрел на небо и бородатую звезду, алую рану на темном бархате. Но, в отличие от остальных, на его лице не было пьяной радости. Он казался напуганным, замерзшим и очень маленьким.

«Он похож, – подумал Саймон, – на одинокого человека в диком крае, слушающего голодный вой волков...»

Глава 7

Звезда завоевателя

#

Весна и лето первого года правления Элиаса выдались волшебными, а солнце сияло особенно ярко. Казалось, весь Светлый Ард возрождается. Молодые дворяне вернулись, чтобы наполнить своими голосами давно ставшие тихими залы и коридоры Хейхолта, перемены были такими заметными, что возникло ощущение, будто солнечный свет и ослепительные краски пришли в мир, где царила темнота. Как и в ранние дни правления Джона, замок теперь наполнили смех и выпивка, аристократы ходили с оружием и в сияющих доспехах. По вечерам в садах снова звучала музыка, а прекрасные придворные леди порхали в теплом сумраке по дорожкам, словно струящиеся прекрасные призраки.

Турнирное поле снова ожило, и на нем, точно цветы, расцвели яркие шатры. У простого народа появилось впечатление, что каждый день стал праздничным и веселью не будет конца. Король Элиас и его друзья неистово развлекались, точно дети, которым пора в постель и которые прекрасно об этом знают. Весь Эркинланд вел разгульную жизнь, как одуревшая от лета собака.

Некоторые крестьяне мрачно бормотали себе под нос, что трудно хорошо провести весенний сев, когда вокруг царит такое веселье. Многие из старших недовольных священников ворчали, глядя на всеобщее распутство и обжорство. Но большинство людей смеялись над злоецими прорицателями. Правление Элиаса только началось, а Эркинланд – да и весь Светлый Ард, казалось, пробудились после долгой зимы, и наступил сезон безудержной молодости. Разве это могло быть ненормальным?

Саймон чувствовал, что его пальцы, медленно выводившие буквы на пергаменте, сводит судорога. Моргенес стоял у окна, держа в руках длинный изогнутый кусок стеклянной трубки, и изучал его на солнце на наличие грязи.

«Если он скажет хотя бы одно слово о том, что она плохо вымыта, я просто уйду, – подумал Саймон. – Единственный солнечный свет, который я теперь вижу, – это отражение в стекле, отполированном мной до блеска».

Моргенес отвернулся от окна и направился со стеклянной трубкой в руках к столу, где так мучительно долго трудился над письмом Саймон. Когда старик подошел к нему, Саймон приготовился к очередному нагоняю, чувствуя, как между лопатками набухает возмущение.

– Отличная работа, Саймон! – заявил Моргенес, положив трубку рядом с пергаментом. – Ты гораздо лучше заботишься о вещах в мастерской, чем это делал я за все времена до твоего появления. – Доктор похлопал его по плечу и наклонился над ним. – Ну как дела?

– Ужасно, – услышал Саймон собственный ответ. И, хотя обида не исчезла, ему стало противно от собственного жалобного голоса. – У меня никогда не получится! Я не могу четко писать буквы, а еще вечно проливаю чернила и сам потом не в силах прочитать то, что написал! – Теперь, когда Саймон произнес эти слова, ему стало немного лучше, но он все равно чувствовал себя глупцом.

– Ты напрасно тревожишься, Саймон, – сказал доктор и выпрямился. Казалось, его что-то отвлекло. – Во-первых, у всех сначала получают кляксы, а у некоторых кляксы остаются до конца жизни – но из этого не следует, что они не могут сказать ничего важного. Во-вторых,

нет ничего удивительного в том, что ты не можешь разобрать то, что написал, – книга написана на наббанайском языке. А ты не умеешь на нем читать.

– Но зачем мне копировать слова, смысла которых я не понимаю? – проворчал Саймон. – Это глупо.

Моргенес пристально на него посмотрел.

– И, если это предложил тебе делать я, значит, глупость исходит от меня?

– Нет, я имел в виду совсем другое, – пробормотал Саймон, – просто дело в том...

– Даже не пытайся объяснять. – Доктор отодвинул стул и сел рядом с Саймоном. Его длинные скрюченные пальцы стали бесцельно перебирать скопившиеся на столе мелочи. – Я хочу, чтобы ты скопировал эти слова потому, что так легче сосредоточиться на форме, ведь ты не отвлекаешься на смысл.

– Хм-м-м. – Саймона его ответ удовлетворил лишь частично. – А вы не могли бы мне объяснить, что это за книга? Я смотрю на рисунки, но все равно ничего не понимаю. – Он перевернул несколько страниц и указал на иллюстрацию, которую разглядывал множество раз за последние три дня, гротескную гравюру на дереве с изображением рогатого мужчины с огромными широко раскрытыми глазами и черными руками. У его ног жались друг к другу жалкие фигурки, а над головой на чернильно-черном небе сияло солнце.

– Вот такие, например. – Саймон указал на странный рисунок. – Здесь внизу написано: *Са Асдридан Кондикиллес* – что это значит?

– Это значит, – ответил Моргенес, взяв книгу в руки, – «Звезда завоевателя», и тебе лучше ничего о ней не знать. – Он положил книгу на верхнюю часть неустойчивой стопки, стоявшей у стены.

– Но я ваш ученик! – запротестовал Саймон. – Когда вы начнете меня учить?

– Глупый мальчишка! Как ты думаешь, чем я занимаюсь? Я пытаюсь научить тебя читать и писать. Это самое важное. А чему хочешь научиться ты?

– Магии! – тут же ответил Саймон.

Моргенес бросил на него строгий взгляд.

– А как насчет чтения?... – спросил он со зловещим видом.

Саймон ужасно разозлился. Все постоянно пытаются ему мешать на каждом повороте.

– Я даже не знаю, – ответил он. – Что такого важного в чтении? Книги – это всего лишь истории о разных вещах. Зачем они мне?

Моргенес усмехнулся – старый горноста́й нашел дыру в заборе птичьего двора.

– О, мальчик, разве я могу на тебя сердиться... ты сказал такую очаровательную, замечательную глупость! – Доктор с довольным видом рассмеялся тихим грудным смехом.

– Что вы имеете в виду? – Саймон нахмурился, и его брови сошлись на переносице. – Что такого замечательного и глупого я сказал?

– Замечательно, потому что у меня имеется замечательный ответ. – Моргенес снова рассмеялся. – А глупо... молодые люди глупы от природы, полагаю, – так черепахи рождаются с панцирями, а осы с жадами – это защита от жестокости жизни.

– Прошу прощения? – Саймон находился в полнейшем замешательстве.

– Книги, – возвышенно заговорил Моргенес, откинувшись на спинку ветхого стула, – книги – это магия. Вот простой ответ. Но книги еще и ловушки.

– Магия? Ловушки?

– Книги есть один из видов магии, – доктор приподнял том, который положил поверх стопки, – потому что они преодолевают время и расстояние так же верно, как любое заклинание или амулет. Что какой-то человек думал о самых разных вещах двести лет назад? Ты можешь пролететь на столетия назад и у него спросить? Нет – во всяком случае, скорее всего, нет. Но вот еще что! Если он записал свои мысли, если где-то существует свиток или книга

с его логическими рассуждениями... он говорит с тобой! Через столетия! И если ты хочешь посетить Наскаду или утраченную Кандию, тебе достаточно открыть книгу...

– Да, да, пожалуй, я понимаю. – Саймон даже не пытался скрыть разочарования. Когда он произносил слово «магия», он имел в виду совсем другое. – А что еще за ловушки? Почему вы сказали «ловушки»?

Моргенес наклонился вперед и помахал толстым томом у Саймона перед носом.

– Любые записи и *есть* ловушка, – весело сообщил он, – самая лучшая из всех. Книга – это единственный вид капкана, который продолжает держать пленника – а речь идет о знаниях – живым навсегда. И чем больше у тебя книг, – доктор обвел рукой комнату, – чем большим количеством ловушек ты располагаешь, тем больше ты получаешь шансов поймать редкого, ускользающего, сияющего зверя, одного из тех, что в противном случае может умереть. – Моргенес закончил свои изящные рассуждения и небрежно бросил книгу обратно на стопку.

В воздух поднялась маленькая тучка пылинок, засверкавших в солнечном луче, который проник в комнату сквозь решетку на окне.

Саймон некоторое время смотрел на мерцавшую в воздухе пыль, собираясь с мыслями. Следить за словами доктора было равносильно попытке поймать мышь, когда у тебя на руках рукавицы.

– А как быть с настоящей магией? – наконец спросил он, и между бровями у него появилась сердитая морщинка. – Магия, которой, как говорят, занимается Прайрат у себя в башне?

На мгновение в глазах Моргенеса промелькнул гнев – или это был страх?

– Нет, Саймон, – тихо ответил он. – Ничего не говори про Прайрата. Он очень опасный глупец.

Несмотря на собственные жуткие воспоминания о красном священнике, взгляд доктора показался Саймону странным и пугающим, и ему пришлось набраться мужества, чтобы задать следующий вопрос:

– Но вы ведь занимаетесь магией? Почему же так опасен Прайрат?

Неожиданно Моргенес встал, и на мгновение Саймону показалось, что старик его ударит или закричит. Но вместо этого Моргенес неуклюже подошел к окну и некоторое время смотрел наружу. Сидевшему на прежнем месте Саймону показалось, что редкие волосы доктора образовали легкий ореол над узкими плечами.

Моргенес отвернулся от окна и вернулся обратно к Саймону. Лицо доктора стало печальным, его переполняли сомнения.

– Саймон, – начал он, – вероятно, мне не будет ни малейшей пользы, если я скажу тебе эти слова, но я хочу, чтобы ты держался подальше от Прайрата – не подходи к нему и не говори о нем... только я могу быть исключением.

– Но почему? – Вопреки опасениям доктора, Саймон решил держаться подальше от алхимика. Однако Моргенес редко бывал настолько откровенным, и Саймон не собирался терять такой шанс. – А что в нем плохого?

– Ты заметил, что люди опасаются Прайрата? И, когда он спускается из своих новых покоев в башне Хьелдина, все стараются держаться от него подальше? На то есть причина. Его боятся из-за того, что сам он не испытывает правильных страхов. Это видно в его глазах.

Саймон засунул кончик пера в рот, задумчиво его пожевал и вынул.

– Правильных страхов? И что это значит? – спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.